

РОСКОШНАЯ
И ТРАГИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ
САРИИ
АНТУАНЕТТЫ

ИЗ КОРОЛЕВСКИХ
ПОКОВ
НА ЭШАФОТ

ПЬЕР
НЕЗЕЛОФ

Пьер Незелоф

**Роскошная и трагическая
жизнь Марии-Антуанетты. Из
королевских покоев на эшафот**

«Центрполиграф»

2015

УДК 94(44)
ББК 63.3(4)

Незелоф П.

Роскошная и трагическая жизнь Марии-Антуанетты.
Из королевских покоев на эшафот / П. Незелоф —
«Центрполиграф», 2015

ISBN 978-5-9524-5995-3

Мария-Антуанетта вошла в историю как самая беспечная королева Франции, чьи очарование и изящество были столь же неоспоримы и примечательны, сколь ее расточительность и безрассудство. Из этой книги вы узнаете, как проходили дни и ночи юной дофины, а затем и королевы, – влюбчивой и азартной, неутомимой на выдумки в устройении праздников и увеселений, полной страсти и жаждущей любви, – жизнь которой оборвалась на эшафоте под оскорбительные выкрики кровожадной толпы. Пьер Незелоф повествует о недолгой, но столь увлекательной жизни австрийской эрцгерцогини с рождения до последних минут с искренним восхищением ее великодушием и мужеством, проявленным перед лицом смерти.

УДК 94(44)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-9524-5995-3

© Незелоф П., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Часть первая. Взросление	6
Глава I. Рождение	6
Глава II. Раннее детство	10
Глава III. Брачные планы	14
Глава IV. Обучение	17
Глава V. Праздники и печали	20
Глава VI. Передача	23
Глава VII. Встреча в лесу	25
Глава VIII. Свадьба	27
Глава IX. Визит	31
Глава X. Разговор наедине	35
Глава XI. Мадам де Ноай у короля	39
Глава XII. Серьезный разговор	43
Глава XIII. Дружба и сплетни	47
Глава XIV. В лесу Фонтенбло	53
Глава XV. Художник: Леонар	56
Глава XVI. Проходят месяцы	59
Глава XVII. Первая встреча	61
Глава XVIII. Смерть Людовика XV	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пьер Незелоф
Роскошная и трагическая
жизнь Марии-Антуанетты.
Из королевских покоев на эшафот

Pierre Nezelof

La Vie Joyeuse et Tragique de Marie-Antoinette

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

* * *

Полю Ребу, идеальному другу, в знак благодарности
П. Н.

*Позволю себе в начале этого повествования выразить особую
благодарность госпоже Альме Седергейм и господам А. д'Альмерасу, Э.
Бауманну, Р. Голо, Ленотру и Нолаку, чьи превосходные работы помогли
мне в написании этой книги.*
П. Н.

Часть первая. Взросление

Глава I. Рождение

Сидя за рабочим столом, императрица Мария-Терезия занималась текущими делами своей державы. Одной рукой она поддерживала щеку и время от времени бормотала:

– Боже! Как болит зуб!

Но упрямо продолжала работать, и папки с делами, одна за другой, переключивались слева направо, где скапливались стопкой.

Вдруг она вздрогнула и замерла, не донеся перо до бумаги. От тревоги на лбу прорезалась морщина. Она подождала, и почти тотчас поясницу пронзила резкая боль. Императрица посмотрела на часы.

– Ничего! – сказала она. – У меня есть еще добрых два часа.

Она с трудом поднялась и стоя попыталась на секунду уравновесить свой огромный живот, округлившийся от подошедшей к завершению беременности, после чего тяжелыми шагами подошла к камину, в котором огонь лизал бронзовые прутья.

Она немного погрелась, затем направилась к окну и выглянула наружу. Уже смеркалось. По грязно-серому небу неслись гонимые ноябрьским ветром темные, тяжелые тучи. Колокола монастырей, церквей и часовен разносили над Венной поминальный звон.

Мария-Терезия вздрогнула и, прижав ладонь к распухшей щеке, продолжила путь. На стене, между двумя гобеленами, висела карта ее владений. Она долго, с нежностью, как будто живое существо, рассматривала рисунок гор, равнин и рек. Австрия, Венгрия, Богемия, а выше последней – широкое пятно, обведенное красным: Силезия, которую семь лет назад у нее отнял прусский король.

Она не могла оторвать глаз от несчастной провинции, как будто это был до сих пор кровоточащий кусок ее собственной плоти. Воспоминание об этом несчастье, наполнявшее ее сердце отчаянием и гневом всякий раз, когда она вызывала его в памяти, заставило на мгновение забыть про боль.

– Ах, Фридрих, – сказала она, – однажды тебе придется вернуть ее мне.

Однако признаки приближающегося разрешения от бремени становились все настойчивее. Мария-Терезия сдержала крик и прижала руки к бокам. Сильная волна уходила по бедрам, в то время как острая, пронизывающая боль терзала ее челюсть. Решительно, зуб причинял ей больше страданий.

Она позвонила, и тотчас вошла горничная.

– Милое дитя, – сказала она, – попросите господина де ла Фёй немедленно зайти ко мне.

Через несколько минут вошел дантист с саквояжем под мышкой.

– Ла Фёй, – обратилась к нему Мария-Терезия, – у меня болят зубы, я страдаю, словно мученица.

– Если ваше величество позволит, я осмотрю вас.

Он придвинул кресло к окну, императрица села и открыла рот.

– Я его вижу, – сказал дантист. – Он совершенно сгнил, в нем причина всей боли.

– Так что же надо делать, друг мой?

– Вырвать его, мадам, другого средства нет.

– Чего же вы ждете? Рвите!

Ла Фёй, опытный специалист, но робкий человек, вздрогнул от ужаса.

– Пусть ваше величество даже не думает об этом в том положении, в котором находится! Я не могу принять на себя ответственность за подобную операцию. Следует по меньшей мере посоветоваться с лейб-медиком вашего величества.

Мария-Терезия жестом выразила нетерпение.

– Сколько предосторожностей! Ладно, пусть позовут господина Ван Свитена. Он должен быть в библиотеке.

Врач действительно находился неподалеку, потому что очень скоро вошел в комнату.

– Что мне сказали? – взволнованно воскликнул он. – Ваше величество хочет вырвать зуб, в то время как может разродиться с минуты на минуту?

– Ван Свитен, – произнесла императрица, морщась от боли, – сразу видно, что вы не чувствуете того, что чувствую я.

– Соблаговолите меня выслушать, ваше величество. Это было бы величайшей неосторожностью. Данная операция может вызвать кровотечение... Что обо мне скажут, если...

– Ладно, – отрезала императрица, – я беру всю ответственность на себя.

Ее голос, до этого момента спокойный и ласковый, вдруг стал повелительным. Ван Свитен и Ла Фей подчинились. Дантист открыл свой саквояж, разложил инструменты и, вооружившись щипцами, приблизился к пациентке. Послышался слабый вскрик.

– Есть! – воскликнул Ла Фей, потрясая окровавленным коренным зубом.

– Ах, мне уже лучше, – прошептала Мария-Терезия.

Она прополоскала рот и улыбнулась.

– Самое трудное сделано, мой дорогой Ван Свитен, – весело сказала она. – Теперь вы видите, что ваши страхи были безосновательны. А мне осталось лишь произвести на свет ребенка.

В этот момент открылась дверь, и вошедший дворянин-гвардеец поклонился.

– Господин князь фон Кауниц¹, – доложил он, – просит ваше величество уделить ему минуту для беседы.

– Мадам, – вмешался Ван Свитен, – вам необходимо отдохнуть. Было бы благоразумно отложить эту аудиенцию на завтра.

– Вот еще! – возразила Мария-Терезия. – Я знаю, что мне делать. Что же до вас, мой друг, попросите моих служанок постелить постель в моей спальне, рядом с постелью моего мужа, затем известите императора, а после находитеесь возле меня.

Ла Фей и Ван Свитен вышли.

– Пригласите господина канцлера, – велела императрица, – а главное, плотно закройте за ним двери, я не люблю сквозняков.

В рабочий кабинет медленно, с изяществом, заученным во всех мелочах, вошел князь фон Кауниц – высокий, стройный, в голубом камзоле с золотыми пуговицами и кружевными манжетами. Он почтительно склонил перед своей государыней голову, увенчанную тщательно напудренным париком.

– Мой дорогой министр, – сказала Мария-Терезия, – я очень рада вас видеть. Вы пришли вовремя.

– Таков долг всех, кто служит вашему величеству, – преданно ответил канцлер. Бросив взгляд на императрицу, которая побледнела и сжала губы, чтобы сдержать стон, он продолжил: – Но я думаю, не стоит ли мне удалиться, ибо мое присутствие, очевидно, станет для вашего величества источником усталости.

– Ничего подобного, мой милый. Как вы знаете, я к этому привыкла: это мой пятнадцатый.

¹ Княжеский титул граф Венцель Антон фон Кауниц получил в 1764 г., тогда как здесь речь идет о событиях осени 1755 г. (Здесь и далее примеч. пер.)

– Действительно, ваше величество уже подарили императору четырнадцать детей.

– В основном дочерей, слишком много дочерей, Кауниц. Вот моя забота, потому что их придется выдавать замуж. Конечно, позднее они станут полезны при заключении союзов. Будем надеяться, что на этот раз наконец-то появится мальчик.

– Искренне этого желаю, мадам, для вас и для династии.

– Герцог Тарука утверждает, будто бы получил по сему поводу откровение небес, и уверяет, что я произведу на свет эрцгерцога. Он даже поставил на это два дуката.

Кауниц тихонько засмеялся:

– Похоже, предсказатель не слишком уверен в себе.

– Я знаю, мой добрый Кауниц, что вы не любите герцога; однако он очаровательный человек. Но время поджимает, поговорим о том, что привело вас сюда.

– Мадам, – сказал канцлер, открывая красный кожаный портфель, который держал в руках, – я принес вам на утверждение черновик письма нашему послу в Париже Штарембергу. Дело первостепенной важности. Я собрал здесь точные предложения, которые могут стать основой нашего союза с Францией.

В голубых глазах Марии-Терезии сверкнул огонек.

– Нашего союза с Францией? Ах, Кауниц, как только мы сможем на нее положиться, моему соседу Фридриху останется лишь ждать, когда мы прогоним до Берлина его самого и его голодранцев. И что же, по-вашему, мы должны предложить Людовику XV?

– Это всего лишь предварительные наброски, мадам. Мы предлагает ему Монс и обязуемся разрушить крепость Люксембурга, а взамен Франция производит с нами обмен: Брабант и Эно на герцогства Парму и Пьяченца-Гуасталла...

Мария-Терезия восхищенно посмотрела на своего министра. Все в лице Кауница – тонкий нос с горбинкой, острые, близко посаженные глаза – выдавало твердую волю, терпение и хитрость.

– Идея хороша, – сказала она. – Но согласится ли Людовик?

– В любом случае это станет поводом завязать переговоры.

– Вы правы. Оставьте мне досье, я изучу его и выскажу вам мое мнение.

– Возможно, мадам, следовало бы рассказать об этих проектах императору?

Мария-Терезия покачала головой:

– Моему мужу? Нет, Кауниц, пусть все остается между нами. Он плохо разбирается в политике. Впрочем, она его и не интересуется. Кроме того, – добавила она лукаво, опустив глаза на живот, – по-настоящему я доверяю ему только в одном деле...

– И с ним он справляется превосходно, – заметил канцлер с галантной улыбкой.

Установилось молчание. Постепенно темнело; языки пламени от дров в камине прогнали с мебели из темного дуба последние отблески дня. Вошла горничная, неся два канделябра, в которых горели восковые свечи.

Внезапно Мария-Терезия, побледнев и закрыв глаза, откинулась в кресле. Стиснув зубы, она собрала всю свою волю на борьбу с болью, которая и в этот раз отступила. Ее лицо на мгновение расслабилось от облегчения.

– Друг мой, – сказала она, – пора. Дайте мне, пожалуйста, руку и проводите до моей спальни.

Тяжело, мелкими шажками, она вышла, опираясь на руку князя. Идти ей становилось все тяжелее, но она пыталась шутить:

– Согласитесь, Кауниц, я жалко выгляжу, идя с вами под руку.

– Мадам, – серьезно ответил министр, – я знаю многих, кто отдал бы год своей жизни, чтобы сегодня оказаться на моем месте.

Наконец они пришли. Мария-Терезия открыла дверь и отдала себя в руки служанок.

Через час, на раскладной кровати, поставленной рядом с супружеским ложем, она произвела на свет ребенка.

– Девочка! – объявил Ван Свитен, поднимая новорожденную, чтобы показать всем присутствующим.

Мария-Терезия грустно и покорно улыбнулась.

– Девочка, – прошептала она. – Тарука проиграл пари...

Довольно долго она лежала неподвижно, собираясь с силами, и вдруг подала знак:

– Я хочу видеть малышку.

Ребенка поднесли к ней. Ее взгляд остановился на только что вышедшем из ее чрева хрупком существе, словно желая уловить в этот трогательный момент первой встречи знак судьбы.

Но ребенок был похож на всех остальных. Однако, не сводя взгляда с дочери, Мария-Терезия вслушивалась. Перекрывая приглушенный шум дворца, за окнами завывал ветер, стучался в стекла. Колокола наполняли ночь последними заупокойными ударами.

– День мертвых... – прошептала императрица. – Девочка родилась в День мертвых.

Она помотала головой на подушке, чтобы прогнать дурную мысль.

– Унесите ее, – приказала она.

И пока камеристка уносила эрцгерцогиню Марию-Антонию-Йозефу-Иоганну, которая, красная и сморщенная, кричала и вырывалась из пеленок, императрица повернулась к мужу, сидевшему у ее изголовья.

– Франц, – сказала она, – скажи моему секретарю Пильхеру, что я его жду... Мне надо продиктовать ему несколько писем.

– Друг мой, – нежно запротестовал император, – ты ведешь себя неразумно. Сейчас не время думать о делах королевства, тебе нужно отдохнуть...

– Я не устала, Франц. Ты прекрасно знаешь, что подданные – мои первые дети и я должна прежде всего думать о них. Ладно, иди!.. Ах да, скажи Пильхеру, чтобы он захватил портфель Кауница, который остался на моем рабочем столе. А пока Ван Свитен окажет мне необходимую помощь.

Император, прекрасно зная, что не сможет переубедить жену, встал и пошел отдавать распоряжения. Проходя мимо камина, он бросил взгляд на часы и вздохнул: прошло всего лишь два часа с того момента, как Мария-Терезия вошла в эту комнату.

Глава II. Раннее детство

Мария-Антония, которую скоро станут называть госпожа Антуан, родилась 2 ноября 1755 года, в семь часов вечера, в день Лиссабонского землетрясения, унесшего тридцать тысяч жизней.

Не зная об этом совпадении, госпожа Антуан, которая была младенцем, думала только о хорошем. Ее окрестили 3 ноября. Крестными родителями стали как раз король и королева Португалии, пережившие тяжелое испытание. У купели их заменили эрцгерцог Иосиф и эрцгерцогиня Мария-Анна.

В тот же самый день ей была назначена в кормилицы фрау Вебер, выбранная больше за свою пышную, полную молока грудь, нежели из-за того, что была женой начальника управления продовольственного снабжения.

Едва Мария-Антония научилась ходить, для нее началась свободная жизнь маленькой принцессы, не знающей ни в чем отказа. Мария-Терезия, поглощенная делами управления империей, мало занималась детьми. Император же, которому государственные дела оставляли больше свободного времени, напротив, следил за ними с нежной и снисходительной заботой.

Но где императрица нашла бы время для того, чтобы воспитывать своих сыновей и дочерей? Как, сражаясь на протяжении семи лет с прусским королем, укравшим у нее Силезию, среди тревог безжалостной войны, она могла бы проявить себя заботливой матерью? Сегодня радуясь победе, завтра грустя из-за известия о поражении, она постоянно была настороже, наблюдая за событиями по всей Европе, занимаясь расстройством козней врагов и следя за верностью союзников.

Тем временем госпожа Антуан росла среди братьев и сестер. Компания была многочисленной, и не было нужды прибегать к помощи посторонних для организации ее игр. Всего детей было одиннадцать, считая госпожу Антуан и маленького Максимилиана, который был на год ее моложе.

Когда политика и война давали им небольшую передышку, Мария-Терезия и император любили проводить время с детьми. Венский двор был большим и не придерживался этикета, но заведенный распорядок устанавливал режим дня.

Императорская семья просыпалась рано. Начало дня освящали месса и молитвы. После завтрака эрцгерцогини читали или занимались вышиванием, тогда как их братья катались верхом на лошадях либо играли в мяч. В полдень подавался обед, быстро съедаемый молодыми людьми с хорошим аппетитом. Потом император и императрица, окруженные всеми своими детьми, словно добропорядочные буржуа, отправлялись на прогулку по Вене или ее окрестностям. Гуляли пешком, одетые, как обычные частные лица, не беря с собой ни охраны, ни свиты. Процессия не вызывала большого любопытства со стороны народа, привыкшего к этому зрелищу. По возвращении проходили короткие учебные занятия и продолжительные перемены в дворцовых галереях вплоть до ужина. В девять часов все должны были спать.

В плохую погоду Мария-Терезия устраивала для семьи концерт какого-нибудь местного или заезжего музыканта. Так, однажды Моцарт, завитый семилетний мальчуган, исполнил перед августейшей аудиторией большое произведение на клавесине.

Когда он слез с табурета, на который его посадили, каждый поблагодарил его, а Мария-Терезия, поцеловав, сказала:

– Иди поиграй с Антуан в галерее.

И двое детей ушли, держась за руки.

– Во что будем играть? – спросила госпожа Антуан.

Моцарт подумал и, как мальчик миролюбивый и спокойный, предложил:

– В дочки-матери...

Девочка предпочла бы побегать.

– Ладно, в дочки-матери так в дочки-матери, – без восторга согласилась она.

Удивленный таким равнодушием, Моцарт обеспокоенно посмотрел на нее.

– Ты не хочешь, чтобы я был твоим мужем? – спросил он.

Тронутая столь лестным предложением и все еще пребывая в восторге от талантов этого жениха, так виртуозно владевшего клавишином, госпожа Антуан хлопнула в ладоши:

– О, хочу! Ты и никто другой...

Проходя по галерее, Мария-Терезия услышала это обещание руки и сердца, улыбнулась и удалилась. А на следующий день камергер принес маленькому Моцарту, жениху на час, расшитый золотом парадный камзол с кружевными манжетами и шелковыми обшлагами, а также шпагу – настоящую!

Летом двор иногда выезжал в Лаксенбург, старый замок, окруженный водой, где все предавались охоте на цапель.

Но большую часть года госпожа Антуан проводила в Шёнбрунне вместе с сестрами Йозефой и Каролиной и тремя братьями: Леопольдом, Фердинандом и Максимилианом, к которым иногда присоединялся маленький Вебер, ее молочный брат.

Шёнбрунн был лишь охотничьим домом в нескольких километрах от Вены, но в его парке имелись прекрасные тенистые аллеи, а рядом протекала быстрая речка. Там было много свободного места и свободы; никаких правил, кроме собственных капризов и удовольствий.

Каждое утро Ван Свиден приезжал из Вены удостовериться, по-прежнему ли у принцев и принцесс розовые щеки и здоровый язык. Этим и ограничивался официальный контроль.

У каждого ребенка были своя гувернантка и свои учителя. Гувернантку госпожи Антуан звали фрау Брандеис – имя, звучавшее словно пение птички. Отличавшаяся нежностью и добротой, фрау Брандеис никогда не ругала ее и тем более не наказывала. Она только улыбалась, и ее подопечная ни разу не видела, чтобы гувернантка рассердилась.

Когда Йозеф Месмер, ректор венских школ – единственная достаточно важная персона, достойная обучить эрцгерцогиню буквам алфавита, – задавал госпоже Антуан написать страницу, девочка, придя в отчаяние от грандиозности задачи, бежала к гувернантке. Та обнимала и целовала ее.

– Моя добрая госпожа Брандеис, – молила девочка, – помогите!.. Этот ужасный Месмер хочет моей смерти.

Тогда госпожа Брандеис писала буквы карандашом, а госпожа Антуан обводила их чернилами, слегка высунув язык и оставляя много клякс.

Учить маленькую принцессу игре на клавишине было поручено Глюку. Но он нашел в ней недисциплинированную ученицу, у которой никогда не было времени на разучивание гамм.

– Простите, господин Глюк, – говорила она, – у меня совсем не было времени для учебы. Я так занята! Садитесь и сыграйте что-нибудь... Нет, не сонату, а ту милую вещицу, которую сочинили в прошлый раз...

И пока польщенный музыкант исполнял просьбу, госпожа Антуан стоя восхищенно слушала ариетту или менуэт, от которых ноги сами пускались танцевать, а голова чуть кружилась.

По-настоящему принцесса любила только итальянский язык, которому ее учил служивший при венском дворе поэт Метастазιο. Она не уставала наслаждаться тем, как ее слух ласкают произносимые учителем горячие звучные фразы, окружавшие ее, словно полное колоколов небо. Но когда речь заходила об изучении синтаксиса, этот прекрасный язык вдруг начинал казаться ей похожим на птицу с островов со слишком густым оперением.

– Ну правда, это слишком сложно, господин Метастазιο, – огорченно говорила она. – Я никогда не сумею...

– Однако необходимо, чтобы ваше высочество сделали небольшое усилие. Что скажет ее величество, если ей вздумается попросить показать ваши тетради?

– О, господин Метастазιο, – беззаботно отвечала принцесса, – вы с ней договоритесь.

Тогда поэт вздыхал и сам составлял сочинение или изложение. За свои труды он получал улыбку, а когда бывал особенно послушен, то и воздушный поцелуй.

Так, еще будучи совсем маленькой девочкой, госпожа Антуан испытывала на мужчинах силу своего обаяния.

Месяц шел за месяцем, а в обучении эрцгерцогини не было заметно прогресса. Она едва научилась читать, а письмо всегда казалось ей очень сложной наукой. Она любила красивые наряды, но неохотно мылась, а под ногтями у нее часто была грязь.

Свободная от любых официальных обязанностей, она чувствовала себя счастливой, и казалось, что эта прекрасная жизнь для нее никогда не закончится. Однако над ее юной головкой пронеслось дыхание смерти.

Ей было десять лет. Ее брат, эрцгерцог Леопольд, собирался жениться на испанской инфанте Марии-Луизе. Празднества должны были проходить в Инсбруке. Император Франц покидал Вену, чтобы присутствовать на них. Перед отъездом он наведился в Шёнбрунн поцеловать детей. Поиграл с ними, съел с ними полдник, потом, пообещав приехать после возвращения и рассказать, как прошли торжества, сел в карету.

Но едва карета выехала из парка, он, охваченный внезапной печалью, приказал кучеру остановиться.

– Приведите ко мне госпожу Антуан, – велел он.

Сопровождавший императора дворянин-гвардеец удивленно посмотрел на него.

– Да, сходите за моей малышкой, – продолжал он. – Я должен еще раз увидеть ее.

Его желание исполнили. Госпожа Брандеис привела к нему дочь. Император посадил ее к себе на колени, поцеловал, поговорил. Он никак не мог расстаться с этим резвым и веселым ребенком, чья белокурая головка, лежавшая у него на груди, была как бы талисманом против смутной угрозы. Однако надо было ехать...

Через несколько недель, 18 августа 1765 года, в Инсбруке, на выходе из оперного театра, император был сражен апоплексическим ударом. Госпожа Антуан больше не увидела отца.

Эта смерть потрясла венский двор. Эрцгерцог Иосиф наследовал покойному на императорском троне, но реально делами империи продолжала управлять Мария-Терезия. Эта деятельность требовалась ей, чтобы приглушить боль, причиненную смертью нежно любимого супруга.

Она облачилась в вечный траур и стала еще ревностнее исполнять религиозные обряды. Ежедневно, сидя за рукоделием, ткала понемногу саван, в котором желала быть погребенной.

Смерть супруга сделала более необходимым присутствие возле нее детей. Юные эрцгерцогини отныне теснее приобжились к придворной жизни. Поначалу госпожа Антуан ощутила перемены в появлении некоторых неудобств. Ей пришлось сопровождать мать в ее визитах с благотворительными целями, видеть вблизи нищету, находить слова поддержки, но все это было ничто в сравнении с обязанностью появляться на официальных церемониях.

Тогда приходилось часами неподвижно стоять в одеяниях, тяжелая роскошь которых душила; иногда она должна была отвечать на адресованные ей приветствия на латыни. В этих случаях она произносила на языке Вергилия речи, которые приходилось зубрить наизусть в течение многих дней и в которых она порой не понимала ни единого слова.

Казалось, что внешняя воля отныне начертала ее жизненный путь, чтобы привести ее к давно намеченной цели.

Мария-Терезия задумала научить ее хорошим манерам, которыми блещут в обществе. По ее мнению, сделать это мог лишь французский учитель. Императрица решила, что для ее дочери нелишне будет взять двух учителей, и вот однажды вечером из Парижа в Вену приехала пара знаменитых актеров с ореолом славы и хорошего тона вокруг их париков. Господину

Офрену было поручено обучение декламации, а господину Сенвилю – пению. Теперь каждое утро госпожа Антуан пела и декламировала.

Но скоро девочку ждал жестокий сюрприз. Однажды Мария-Терезия навестила апартаменты дочери и устроила той своего рода экзамен, в первую очередь по орфографии и письму. Императрица сразу все поняла.

– Этот ребенок ничего не знает! – воскликнула она. – Разве ее совсем ничему не учили? Это необходимо изменить!

И с недовольной миной вышла. Через час Метастазियो был отчитан, словно набедокуривший школьник, а на завтра госпожа Антуан узнала, что ее добрая и ласковая гувернантка, госпожа фон Брандеис, уступила свое место госпоже фон Лерхенфельд, суровой, никогда не улыбающейся даме, получившей строгие инструкции.

Госпожа Антуан чувствовала себя неудобно. С некоторых пор мать смотрела на нее с озабоченностью. При ее прохождении начиналось шушуканье. Придворные демонстрировали ей почтение, которым не удостоивали ее сестер. Наконец, стало много разговоров о Франции, и при этом всегда поглядывали на нее.

Что ей готовило будущее? Госпожа Антуан смутно предчувствовала, что против нее что-то затевается, и с тревогой ждала...

Глава III. Брачные планы

Заканчивался 1778 год. Стоял пасмурный день, мороз сковал землю.

Госпожа Антуан в двадцатый раз перечитывала и не могла уместить в голове немецкие предлоги, управляющие по каким-то непостижимым правилам дательным и винительным падежами.

– Итак, – говорила она себе, – их восемь: *in, vor, auf, unter*... Ох, как же мне тяжело!

В этот момент вошла госпожа фон Лерхенфельд.

– Ее величество просит ваше высочество немедленно прийти к ней, – сказала она. – Она ожидает вас в своем кабинете.

Несколько успокоившись, госпожа Антуан повиновалась. В чем она снова провинилась? Войдя, она сразу заметила, что у матери непривычно серьезный вид.

– Подойди, мое дорогое дитя, – сказала императрица, – не бойся, то, что я тебе сообщу, доставит только радость.

Доверившись столь любезному вступлению, девушка улыбнулась и подошла.

– Иди сюда, – продолжала Мария-Терезия, – сядь возле меня.

Когда они обе сели рядом на диван, императрица взяла дочь за руки и ласковым ровным голосом произнесла речь, слова которой, должно быть, долго взвешивала заранее.

– Антуан, – сказала она, – тебе идет четырнадцатый год, то есть ты уже не ребенок. С тобой можно говорить о серьезных вещах, а то, что я сообщу тебе сегодня, имеет особую важность...

Госпожа Антуан удивленно повернулась к матери.

– Не тревожься, – успокоила ее императрица, – речь идет о твоём счастье. Ты знаешь, какие виды у меня были на твоих старших сестер. Мария-Анна и Елизавета хотят уйти в монастырь. Я им это позволила, ибо для женщины нет лучшей доли, чем стать Христовой невестой. Два года назад я выдала твою сестру Кристину за саксонского принца. Йозефа должна была выйти за короля Неаполитанского, но оспа унесла ее, да примет Господь ее душу! Ее место заняла Каролина. Скоро ты будешь присутствовать на свадьбе Марии-Амалии с герцогом Пармским. Теперь настал твой черед...

– Не может быть, матушка! – воскликнула госпожа Антуан. – Вы собираетесь выдать замуж и меня тоже?

– Конечно, дитя мое, но будь спокойна: хоть ты и последняя, ты будешь счастлива не менее их.

– О, матушка, я никогда не сомневалась в вашем добром отношении ко мне.

– Послушай, Антуан, я мечтала для тебя о самой прекрасной, самой завидной судьбе. Чтобы осуществить ее, я тружусь вот уже десять лет, и мне в моем деле помогают такие люди, как Кауниц и граф де Мерси, наш посол в Париже. Тебе известно, что Франция наша союзница. Людовик XV и я нашим согласием обеспечиваем мир Европы. Но что такое союз? Ничего не стоящий пергамент, если его не скрепляют кровные узы. Я попыталась создать такие нерасторжимые узы. Когда твой брат, император Иосиф, потерял жену, мы какое-то время наделись, что он вступит в новый брак с Луизой Орлеанской, но этот проект провалился. Вскоре у Кауница и у меня появилась новая надежда. Когда в июне прошлого года овдовел Людовик XV, Мерси ему намекнул, что я была бы счастлива отдать ему в жены твою сестру Елизавету. Переговоры продвигались успешно, но проект сорвался из-за появления в Версале одной женщины...

– Какой женщины, матушка?

– Г-жи Дюбарри, однажды ты с ней познакомишься.

– О! Я ее уже ненавижу.

– Остерегайся излишне горячих чувств, дитя мое. Необходимо думать, прежде чем судить. Но оставим это... Тем не менее у меня осталась одна надежда, Антуан, та, что была наиболее дорога моему сердцу...

Голос Марии-Терезии дрогнул от едва сдерживаемого волнения. Госпожа Антуан, похолодевшая от нарастающей тревоги, не могла оторвать взгляд от губ матери, с которых должно было слететь объявление о ее судьбе.

– Ты оправдаешь наш девиз: *Bella gerant alii, tu, felix Austria nube...* – с усилием продолжала императрица.

– Что вы сказали, матушка? – переспросила смущенная девушка.

– Это означает, что Австрия должна больше рассчитывать на браки, чем на силу оружия... Но вернемся к твоему браку. При версальском дворе есть юный принц, внук Людовика XV, дофин. За него ты и выйдешь замуж.

– Я?

– И в один прекрасный день станешь королевой.

– Я? Королевой Франции?

Госпожа Антуан прижала обе ладони к груди. Кровь мощными волнами прилиwała к ее щекам. Голова закружилась. Мария-Терезия улыбнулась при виде этого волнения.

– Успокойся, дитя мое, и позволь мне рассказать о твоём будущем женихе. Он христианин, его чувства прямые, его воспитание было особо тщательным; это рассудительный молодой человек, любящий порядок. Если захочешь, ты станешь с ним счастлива, и таким образом совпадут радости твоего сердца и интересы наших государств.

Госпожа Антуан слушала. Ей казалось, что слова матери долетают до нее сквозь туман, в котором оставляют неясный свет.

– Большую поддержку в этом деле, – снова заговорила Мария-Терезия, – нам оказал Шуазель, королевский министр. Не забывай его, дочь моя. Маркиз де Дюрфор, французский посол, тоже проявил себя ловким посредником. Благодаря им мы сумели расстроить козни той партии в Париже, которая считает этот брак недопустимым... Скоро Людовик XV обратится ко мне с официальным предложением.

Девушка безуспешно пыталась проглотить ком в горле, а императрица продолжала, и голос ее стал жестче:

– Тем не менее необходимо, чтобы принцесса, которую мы отправим во Францию, была достойна меня и страны, в которой родилась. А ты, малышка, ничего не знаешь, ты легкомысленна и ленива.

– О! матушка...

– Я знаю, что говорю. Мне уже пришлось отослать от тебя госпожу Брандеис и заменить ее госпожой Лерхенфельд.

– Она очень строга, – простионала девушка.

– Это для твоего же блага. Но тебе необходимо лучше узнать Францию. Шуазель дал мне понять, что версальский двор с неудовольствием узнал, что тебя учат господина Офрен и Сенвиль. Эти комедианты не кажутся там достаточно квалифицированными, чтобы обучать будущую дофиню. Я их уволю. Шуазель мне сообщил о предстоящем приезде наставника, которого я приставлю к тебе. Его зовут аббат Вермон, он библиотекарь коллежа Четырех наций. Это святой человек и большой ученый. Он научит тебя французскому языку и орфографии, а также истории Франции. Также он будет твоим исповедником.

– Как я рада! – воскликнула эрцгерцогиня. – Значит, он заменит аббата де Терма, который меня все время пугает рассказами об аде?

– Да, дитя мое, но это не все. Мерси мне сказал, что ты должна привыкнуть к роли, которую станешь играть в будущем. Мы устроим для тебя версальский этикет. Ты будешь давать

балы в твоих покоях и несколько раз в неделю устраивать игру в каваньоль. Еще я намереваюсь просить Мерси заняться формированием твоего приданого.

Госпожа Антуан захопала в ладоши:

– У меня будут красивые платья из Парижа?

Лицо императрицы посуровело.

– Дочь моя, – строго произнесла она, – да будет тебе известно, что твои туалеты должны не столько удовлетворять твои личные запросы, сколько служить средством завоевать сердца жителей страны, в которой ты царствуешь. Хорошенько запомни эти слова! Вот, Антуан, и все, что я хотела тебе сегодня сказать. Будь послушна, следуй моим советам, и твое счастье обеспечено.

– Я буду вам послушна, матушка, – покорно пообещала эрцгерцогиня.

Взгляд императрицы смягчился от волнения. Она притянула к себе дочь и поцеловала долгим поцелуем.

– А теперь иди, дитя мое.

Девушка вышла и, совершенно оглушенная, вернулась к себе в комнату, унося в памяти феерическое зрелище, которое нарисовала ей мать. Она выйдет замуж! Тысяча картинок вертелось у нее в голове, создавая образ чудесной страны. Но она не пыталась представить себе человека, которому была обещана.

Версаль, его двор, которому подражали, мелко и неудачно, все государи Европы начиная с Фридриха; Марли, Фонтенбло, Компьень, другие замки и дворцы, названия которых не удержались в памяти. Непрерывные праздники в этих дворцах, прекрасные женщины, одетые в самые роскошные в мире наряды; галантные и остроумные мужчины, чьи имена можно найти на страницах книг по истории. И все это будет у ее ног! Она будет самой красивой, самой нарядной, и малейшее ее желание будет тотчас исполняться.

– Я стану королевой...

Она бросила презрительный взгляд на мещанскую обстановку своей комнаты и скромные платья маленькой девочки, запачканные в играх и при выполнении домашних заданий. И вдруг увидела себя в зеркале. Мгновение она удивленно рассматривала себя, словно не узнавая, потом, отступив на несколько шагов, улыбнулась и сделала реверанс.

– Добрый день, ваше величество!

И, уносимая божественной легкостью, раскинув в стороны руки, полетела в танце...

Глава IV. Обучение

Программа, начертанная императрицей, начала воплощаться в жизнь. Ко двору прибыл аббат де Вермон. Госпожа Антуан, побаивавшаяся появления этого человека, напичканного знаниями и главными добродетелями, очень скоро признала, что могла попасть в гораздо худшие руки.

Суровый с виду аббат был скорее добрым малым. Скромный и хитроватый, он первым делом постарался завоевать симпатию своей ученицы. Он не слишком распространялся о религии, а больше развлекал занимательными историями. Госпожа Антуан расспрашивала его о французском дворе, он, не заставляя себя упрасивать, отвечал, ловко придавая своему рассказу иронический оттенок и подчеркивая мелкие смешные недостатки людей.

Теперь девушка несколько прилежнее занималась учебой. Ради такой ставки, как французский двор, разумеется, стоило немного потрудиться. Однако не следовало требовать от нее слишком многого; она быстро уставала и становилась рассеянной.

Но это было не всё. Необходимо было привить будущей дофине французское изящество. Чтобы стать совершенной, принцесса должна была уметь прекрасно танцевать. Из Парижа быстро прислали Новерра, известного танцмейстера, который начал посвящать госпожу Антуан в секреты своего искусства.

Из Франции уже поступали туалеты, подчеркивавшие фигуру эрцгерцогини, оживлявшие цвет ее лица и открывавшие ей себя саму. Их опередил куафер, задачей которого было приручить в соответствии с модой ее белокурые волосы, которые раньше она носила, приподняв гребнем надо лбом.

После того как ее завилы и нарядили, за кисти взялся художник Дюкро, присланный Людовиком XV в Вену специально, чтобы написать ее портрет.

Отныне госпожа Антуан трижды в неделю устраивала у себя карточную игру. Все зевали от скуки, но, поскольку следовали французской моде, присутствующие, за исключением нескольких самых знатных аристократов, не могли садиться, и все возвращались по домам с большими ногами.

Наконец 7 июня 1769 года императрица получила от Людовика XV письмо, которое ждала уже несколько месяцев:

«Мадам сестра моя. Я не могу больше откладывать выражение вашему величеству удовлетворения, испытываемого мною от намечающегося в ближайшее время брачного союза между эрцгерцогиней Антуанеттой и дофином, моим внуком. Я слишком нежно привязан к вашему величеству, чтобы не льстить себе надеждой о радости, которую она испытает от того, что я в этом смысле опережаю подобающее предложение...»

Испытала ли она радость? Неужели он мог в этом сомневаться? Да она едва сдерживалась, чтобы не расцеловать бумагу, которую держала в дрожащих пальцах и которая была результатом ее пятнадцатилетних усилий!

От радости Мария-Терезия, которая с некоторых пор увеличила количество празднеств и развлечений в честь своей дочери, решила с шумом отметить День святого Антония. 12 июня она организовала в замке Лаксенбург прием с охотой на цапель и угощением для народа. Когда же стемнело, был устроен фейерверк, где главной фигурой был дельфин², из ноздрей которого вырывались языки пламени.

– Что вы на это скажете, господин аббат? – спросил Кауниц стоявшего рядом с ним на террасе господина де Вермона. – Он очень горяч. Разве это не прекрасный символ для брака?

² Название животного «дельфин» по-французски пишется и произносится так же, как титул наследника престола «дофин» – dauphin. Дельфин изображен на гербе провинции Дофинэ, по которой наследник и титуловался дофином.

– Ваши слова да богу в уши, монсеньор! – ответил аббат, улыбаясь, и аккуратно перекрестился из предосторожности.

Карнавал 1770 года наполнил Вену празднествами и пирушками. На улицах гремела музыка, шумели маскарады. Простой народ и дворянство, чувствуя укрепление империи, демонстрировали радость. Союз с Францией позволял надеяться на продолжительный период жизни в мире и процветании.

Мария-Терезия устроила бал во дворце Каммерфест. Было семь часов вечера. Эрцгерцоги и эрцгерцогини открыли бал менюэтом. Придворные кавалеры танцевали с принцессами, а эрцгерцоги с назначенными императрицей дамами, список которых держал возле нее Пихлер.

Она сидела в конце зала на стуле, который был обтянут черным со времени смерти императора. Вокруг нее на почтительном расстоянии расположились на табуретах люди, которые не танцевали.

Привратник ввел нового гостя. Мария-Терезия подняла голову и узнала аббата де Вермона. Она жестом подозвала его.

Священник подошел. Его тяжеловатая походка выдавала простонародное происхождение. Он носил черные шелковые чулки и башмаки с пряжками, а под мышкой зажал шляпу. Его завитый парик венчала блестящая скуфейка. Черный камзол был застегнут на все пуговицы.

– Мне очень приятно видеть вас, господин де Вермон, – сказала Мария-Терезия. – Подойдите, возьмите табурет, присаживайтесь, и побеседуем немного, пока молодежь резвится.

Аббат с проявлениями величайшего почтения сел.

– Итак, мой дорогой наставник, – продолжала императрица, – что вы скажете о вашей ученице?

Священник прокашлялся, чтобы прочистить голос.

– Ее высочество, – сказал он, – обладает очаровательной внешностью, ее веселость и ум, ее характер и сердце прекрасны. Ей недостает лишь легкости выражения, чтобы продемонстрировать замечательные таланты, которые она унаследовала от своей августейшей матери...

Мария-Терезия искоса взглянула на собеседника:

– Прекратите льстить, господин аббат, я знаю свою дочь... Расскажите о ее учебе; она делает успехи?

– Она их действительно делает, мадам, но, по правде сказать, меньшие, чем мне бы хотелось. Однако ее добрая воля очевидна.

– Ей ничего нельзя спускать с рук, она нуждается в твердом руководстве. Итак, чего же вы достигли?

– Я начал с литературы и истории. Ее очень заинтересовало жизнеописание Генриха IV. Также она с удовольствием слушает мои рассказы на религиозные темы. Но ее орфография и чистописание не такие, какие я бы желал. Правда, я, возможно, бываю излишне суровым...

– Нисколько, милейший. Я не хочу, чтобы вы жалели мою дочь. Это в ее же интересах, и в моих.

– Должен сообщить вашему величеству, – продолжал аббат, – что я начал учить госпожу эрцгерцогиню геральдике и генеалогии различных фамилий, представленных в Версале...

– Это правильно... Я вижу, что госпожа Антуан не могла попасть в лучшие руки. Продолжайте, господин аббат, моя благодарность вам обеспечена... Но я вижу маркиза де Дюрфора; простите, что покидаю вас, мне необходимо переговорить с ним.

Мария-Терезия встала и направилась к французскому послу, разряженному мужчине лет пятидесяти, шедшему ей навстречу. Дипломат приветствовал ее, склонившись в глубоком парадном поклоне.

– Господин де Дюрфор, – сказала императрица, – я благодарна вам за то, что вы посетили этот вечер.

– Вашему величеству прекрасно известно, что в данном случае приятность соединяется для меня с исполнением моего долга.

– Коль так, проявите вашу дружбу ко мне, посещая все празднества, которые я буду давать в течение этого карнавала. Также я буду счастлива видеть вас на наших семейных собраниях.

– Как, мадам? Но подобная честь здесь никогда не оказывалась ни одному иностранному послу...

– Конечно, но я обращаюсь не к послу, а к другу.

– Ах, мадам, – воскликнул пунцовый от восторга Дюрфор, – я смущен такой честью!

Маркиз обвел взглядом зал, по которому двигались танцующие пары. Среди них госпожа Антуан, прекрасно причесанная и одетая, танцевала гавот Глюка.

– Никогда еще госпожа эрцгерцогиня не была столь очаровательна. Если бы мой возлюбленный король знал, что она такова, ему бы захотелось еще скорее увидеть ее.

– Должна признать, – сказала Мария-Терезия, – что танцы ей нравятся. Мне бы хотелось, чтобы так же обстояло дело со всем, что ей предстоит выучить. Но поговорим немного о наших делах, господин де Дюрфор. В каком они состоянии?

– В ближайшее время я получу проект брачного договора, который сразу же представлю вашему величеству, и мы назначим дату для подписания. Во Франции, от границы до Парижа, уже готовятся дороги, по которым проедет кортеж ее высочества. Ей хотят устроить достойный прием.

– Я очень польщена, господин де Дюрфор. Все идет благополучно, тем более что я тоже хочу сообщить вам превосходную новость. Пойдемте, не нужно, чтобы нас слушали чужие уши.

Императрица увлекла посла в оконную нишу.

– Мой дорогой Дюрфор, – сказала она, понизив голос, – то, что я сейчас вам скажу, очень важно. С сегодняшнего утра моя дочь женщина. Вы понимаете: настоящая женщина.

– Я вас понимаю, мадам...

– Таким образом, этот брак, которого, похоже, так боялись в Версале, не станет преждевременным. И как видите, она не испытывает никаких неудобств, смеется и прыгает, как обычно. Многие на ее месте почувствовали бы недомогание и остались бы в постели. Можете написать Людовику XV, что ему посылают принцессу, которая уже готова подарить трону здоровых наследников.

– Не премину, мадам. Я сообщу об этом важном событии уже в завтрашнем донесении.

– Благодарю, господин маркиз, – сказала императрица, протягивая дипломату руку, которую тот поцеловал, словно священную реликвию.

Глава V. Праздники и печали

Едва оставшись одна, госпожа Антуан сняла с груди золотой медальон, на котором был портрет дофина, ее будущего супруга. Секунду рассматривала его при свете канделябра. Ее полноватые губы сложились в обычную гримаску.

«Решительно, – подумала она, – он неплох».

Но обрамление портрета заинтересовало ее сильнее. Портрет принца окружали бриллианты, инкрустированные в эмаль. Она пересчитала их дрожащим пальцем:

– Семьдесят! И какие крупные!

Она опустила на стул. Голова гудела от приятной усталости.

– Господи! – сказала она. – Как же это забавно – выходить замуж!

Празднества шли уже много дней и должны были продлиться еще неделю.

Накануне, 15 апреля 1770 года, в день Пасхи, маркиз де Дюрфор совершил официальный въезд в Вену. Из окна особняка графини фон Траутманнсдорф, ее обер-гофмейстерины, госпожа Антуан вместе со своей сестрой Кристиной любовалась прохождением процессии: сто восемнадцать дворян, великолепно одетых за счет Людовика XV, сорок восемь карет, запряженных каждая шестеркой лошадей, а в середине процессии два экипажа французского посланника, облицованные золотыми панелями, обитые изнутри синим и алым бархатом, такие роскошные, что даже у Кауница, гордившегося своими экипажами, не было ничего подобного.

Сегодня, в шесть часов, пред всем двором, ее руки попросили официально. Госпожу Антуан позвали в аудиенц-залу. С разрешения матери и императора Иосифа II она взяла из рук французского посла письмо дофина и портрет этого юного принца, который фрау фон Траутманнсдорф тотчас же прикрепила к ее корсажу. Затем двор переместился в зрительный зал, чтобы посмотреть представление комедии Мариво и балета Новерра...

И церемонии пошли одна за другой. На следующий день, на торжественном приеме, госпожа Антуан на Евангелии и распятии отреклась от своих прав австрийской принцессы. И чтобы загладить печаль от этого необходимого акта, император Иосиф дал в своем Бельведерском дворце большой ужин, а затем бал-маскарад и фейерверк, на которых присутствовали три тысячи гостей.

18 апреля маркиз де Дюрфор устроил праздник в своем Лихтенштейнском дворце. Все улицы, по которым проследовал его кортеж, были украшены разноцветными фонариками. После ужина в саду внезапно вспыхнула постройка в двадцать семь туазов³ в высоту, изображавшая храм Гименея; потом танцевали двенадцать часов без остановки.

19-го, с наступлением темноты, одетая в платье из серебряной ткани, госпожа Антуан прошла через двойной ряд гренадеров в церковь августинцев, чтобы сочетаться браком по доверенности. Эрцгерцог Фердинанд представлял особу дофина. Монсеньор Висконти, папский нунций, благословил кольца и дал брачное благословение.

Госпожа Антуан стала дофиной. Она смеялась, танцевала, опьяненная своей чудесной судьбой, и не замечала, что по мере того, как проходили дни, взгляды Марии-Терезии, обращенные на нее, становились все печальнее.

Было утро 21 апреля. Запоздавшая весна, подгоняемая резким ветром, робко теснила тучи в небе. Перед дворцом растянулся кортеж, который должен был увезти госпожу Антуан: более трехсот лошадей, сотня экипажей.

³ Туаз – старинная французская мера длины, чуть меньше 2 метров.

Мария-Терезия и дофина были одни. На императрице был платок, повязанный под подбородком; кружевная накидка колыхалась по сторонам ее лица, словно два крыла. Отяжелев от полноты, увеличивавшейся год от года, она, опираясь на трость, подошла к дочери.

Девушка смотрела на мать. Императрица постарела. Время и заботы власти стерли и лишили жизни черты ее лица, а ведь некогда она считалась красивейшей принцессой Европы. На щеках остались следы оспы, от которой она едва не умерла два года назад, но ее лоб, высокий и чистый, живость голубых глаз говорили о сохранившихся у нее уме, воле и рассудительности. Госпожа Антуан вздрогнула. Ей показалось, что она впервые видит свою мать, и вдруг она разом ощутила всю цену того, что должна потерять.

– Матушка, – простионала она, – почему я должна вас покинуть?

– Такова судьба, дитя мое, – сказала императрица, – ты должна стать супругой и, если будет угодно Господу, матерью. Но послушай меня, я должна дать тебе несколько важных советов... Когда ты будешь в Версале, не забывай, чем ты обязана своей родине. Помни, что я поручаю тебе задачу очень важную и благородную: укрепить и поддерживать наше сердечное согласие с Францией, от которого зависит безопасность и процветание Австрии. В лице Фридриха мы имеем опасного соседа, он храбр, но хитер и коварен. Ты должна мешать интригам, которые он ведет в Париже.

– Но, матушка, – пролепетала госпожа Антуан, встревоженная масштабом возлагаемой на нее миссии, – как я смогу добиться того, чего вы желаете?

По лицу Марии-Терезы пробежала печальная улыбка.

– Это не так трудно, как ты полагаешь. Тебе достаточно будет завоевать сердца Людовика XV и твоего супруга. Если ты будешь им дорога, они не захотят огорчать тебя, когда им предложат предпринять что-либо против интересов Австрии.

– В таком случае будьте уверены, дорогая матушка, – воскликнула дофина, – что ради этого я не упущу ни единой возможности!

– Я благодарна тебе за твои добрые намерения, Антуан, но твоя задача, возможно, будет не всегда простой. Для начала постарайся понравиться принцессам, дочерям Людовика XV, они не любят Лотарингский дом и были противницами твоего брака; также будь любезна с госпожой Дюбарри. Эта женщина могущественна; не унижая себя, ты можешь несколькими ловкими словами превратить ее в союзницу.

– Я постараюсь, – сказала девушка.

Она была настолько исполнена доброй воли, что готова была пообещать что угодно.

– Аббат де Вермон и князь Штаремберг будут сопровождать тебя до Версаля, – вновь заговорила Мария-Терезия. – В Париже ты найдешь моего посланника, графа де Мерси-Аржанто; это преданный слуга и верный друг, ты будешь слушаться его, как меня; он никогда не подаст тебе дурного совета. Слушайся мужа, будь с ним ласкова. Особенно постоянной будь в отправлении религиозных обязанностей. А еще берегись, как дьявола, всех этих новых идей, которые пытается ввести в моду господин Вольтер; они – гибель для монархий... Но сейчас не время читать тебе мораль, дитя мое; все мои советы записаны в «Наставлении», которое тебе передаст аббат. Читай его каждый месяц.

– Я буду читать его каждую неделю, матушка.

– Так много я от тебя не требую, Антуан... Также я написала Людовику XV, чтобы он не удивлялся твоей живости, твоим капризам и твоей взбалмошности. Ты хорошая девочка, у тебя доброе сердце, но к тебе нужно относиться снисходительно... да, очень снисходительно... – Голос императрицы дрогнул; она усилием преодолела волнение: – Что ж, прощай, мое дорогое дитя. Давай посмотрим друг на друга. Возможно, мы больше не увидимся...

Она прижала дочь к себе. Госпожой Антуан вновь овладела печаль. Она была уже не принцессой, которую ожидает трон, а слабым маленьким ребенком, покидающим, возможно навсегда, свою мать. Она разрыдалась:

– Матушка! О, матушка!

Мария-Терезия легонько оттолкнула ее:

– Иди, дочка, пора...

Дофина, пятась, сделала несколько шагов, и вдруг мать вновь протянула руки. Она бросилась к ней.

– Антуан, – сказала императрица, – мое сердце будет бдеть над тобой издалека, и, если однажды ты почувствуешь себя несчастной, вспомни обо мне...

Глава VI. Передача

7 мая показался Рейн и французская земля.

Для официальной передачи дофины французские власти, которым было поручено ее встретить, выбрали островок на середине реки, напротив Келя. Они построили там пятикомнатный деревянный домик. Госпожа Антуан и ее свита вошли в часть, отведенную австрийцам. Тут же придворные дамы начали раздевать девушку, чтобы затем облачить ее полностью во французскую одежду. С нее сняли плащ, шляпу, нижнюю юбку.

– Я должна снять всё? – спросила она.

– Всё, ваше высочество, – ответила княгиня Паар.

– Даже сорочку?

– И сорочку тоже.

– О! – возмущенно воскликнула она. – Значит, я не сохраню ничего, что напоминало бы мне о родине?

– Даже платок. Этого требуют этикет и обычаи, – заявила княгиня, решительно спуская чулки своей госпожи.

Госпожа Антуан вздохнула и скрестила руки на груди. Она была совершенно обнаженной. Женщины залюбовались ее изящной стройной фигуркой, маленькими грудями с розовыми сосками, атласными переливами янтарной кожи.

– Поторопитесь, – сказала дофина. – Мне холодно.

На нее торопливо надели новую одежду, шелковую и льняную. Когда ее наконец привели в порядок и напудрили, князь Штаремберг вошел и открыл другую дверь.

– Ее высочество дофина! – объявил он.

Вся австрийская свита перешла в центральную комнату, где уже находилась французская делегация: граф де Ноай, господин Буре, секретарь кабинета короля, и господин Жерар, поверенный в иностранных делах. Госпожа Антуан подошла к установленному на возвышении посредине зала алому бархатному креслу и села в него.

Граф де Ноай тотчас начал чтение актов о передаче:

– Почетное поручение, кое королю, моему господину, угодно было поручить мне, наполняет меня благодарностью к его доброте. Для меня большая честь...

Дофина не слушала этот дипломатический язык. Она не могла оторвать взгляд от большого гобелена на стене напротив нее, изображавшего сцену ужасной резни: пылающий дворец, молодая красивая женщина, извивающаяся в горящей одежде, рядом с ней мужчина с гневным и отчаявшимся лицом протягивает руки к лежащим на земле зарезанным детям, а в это время в небо возносится запряженная драконами колесница.

– Что изображает эта сцена? – спросила она шепотом у княгини Паар.

– Мадам, это история Ясона и Медеи.

Тут девушка вспомнила трагическую легенду о Медее, которая подстроила гибель Креусы, своей соперницы, и подожгла дворец любовников, после чего зарезала собственных детей от Ясона у него на глазах.

Госпожа Антуан вздрогнула. Не было ли изображение этого несчастливого брака, завершившегося в огне и крови, дурным предзнаменованием? Уже перед самым ее отъездом Мария-Терезия обратилась за советом к Гасснеру, врачу-ясновидцу, который лечил все болезни наложением рук:

– Скажите, Гасснер, что вы видите в будущем? Будет ли моя дочь счастлива?

– Мадам, – ответил кудесник, – на каждую спину найдется свой крест.

Разве не совпадают мрачные приметы? А граф де Ноай тем временем закончил свою речь. После этого все члены австрийской свиты прошли перед эрцгерцогиней и, поцеловав госпоже Антуан руку, удалились, чтобы больше не вернуться.

Девушка еле сдерживала слезы. Когда княгиня Паар последней покинула комнату, дофина посмотрела по сторонам: она осталась одна среди чужих людей и напрасно искала лицо друга.

– Если ваше высочество позволит, – произнес граф де Ноай, – я представлю дофине ее двор.

Перед принцессой один за другим склонялись граф де Соль-Таванн, капитан ее почетной стражи, гранд Испании; граф де Тессе, ее главный конюший; шевалье де Сен-Совёр, командир отряда гвардии...

– Госпожа графиня де Ноай! – объявил привратник.

Подошла старая дама, несгибаемо прямая, с хмурым лицом. Дофина в душевном порыве бросилась ей на шею.

– Ах, мадам, – воскликнула она, – как я рада вас видеть! Если бы вы знали, как я готова всех вас любить!

Шокированная статс-дама отступила на шаг и сделала реверанс.

– Ваше высочество не подумали, – заявила она строгим голосом, – что этикет не дозволяет подобных вольностей.

Госпожа Антуан прикусила губу и, похолодев внутри, пробормотала:

– Простите, мадам, я больше не буду.

Представления продолжились: герцогиня де Виллар, гардеробмейстерина; герцогиня де Пикиньи, маркиза де Дюрас, графиня де Майи...

Дофину смущали взгляды этих незнакомых людей, с любопытством рассматривавших ее.

– Мадам, – произнес наконец граф де Ноай, – церемония окончена. Страсбург ждет вас.

Дверь, ведущая во Францию, открылась, и госпожа Антуан шагнула навстречу своей судьбе.

Глава VII. Встреча в лесу

Она въехала в Страсбург под проливным дождем. Маршал де Контад встретил ее под триумфальной аркой, под грохот орудийных залпов салюта и звон колоколов. Празднично разодетые страсбургцы выстроились на ее пути живой изгородью. Для дофины представили комедию, затем был большой обед, за которым последовали бал и ужин.

На следующий день она отправилась в собор. Перед главными воротами ее приветствовал молодой прелат в пурпуре.

– Кто это? – спросила она герцогиню де Пикиньи, чье приятное лицо сразу вызвало у нее доверие.

– Луи де Роган, – ответила молодая женщина, – коадьютор его преосвященства архиепископа Страсбургского, своего дяди.

– Он мне совсем не понравился, – сказала дофина. – Он слишком напомажен, чтобы быть хорошим слугой Божьим.

...Однако пора была продолжать путь. На следующий день кортеж отправился в дорогу. Он проследовал через Саверн, Люневиль, Шалон и Реймс. Каждый вечер устраивались банкеты, представления и балы. Повсюду дворянство и чиновничество выходило приветствовать дофину. Она с улыбкой выслушивала речи, старалась как можно лучше отвечать на них, и каждое ее слово вызывало бурные радостные восклицания.

Посмотреть на дофину население сбегалось за десять лье. Вперед выставляли нарядных маленьких детей с букетами; цветы бросали ей под ноги, усыпали ими карету.

– Боже мой! – повторяла она. – Как весело! Как я счастлива!

14 мая караван покинул Суассон. Впервые за время путешествия госпожа Антуан испытывала волнение, граничившее со страхом. Сегодня она должна была встретиться с Людовиком XV и впервые предстать перед своим супругом.

Наконец-то распогодилось. Караван двигался между цветущими полями, среди вернувшегося весеннего тепла. Вскоре вдаль показалась темная масса леса. С этого момента дофина, прильнув к окошку в двери кареты, не сводила глаз с горизонта. И вдруг она заметила едущую навстречу карету.

– Вот они! – воскликнула она.

– Я так не думаю, – ответила госпожа де Ноай. – Скорее, это господин де Шуазэль.

Действительно, это был он. Господин Штаремберг представил министра. Хотя тот был довольно уродлив и весь в конопушках, госпоже Антуан захотелось его обнять. Она протянула ему руки.

– Господин де Шуазэль, – сказала она, – я никогда не забуду, что именно вам обязана своим счастьем...

– А ваше счастье будет счастьем Франции, – ответил министр. Он склонился к протянутым ему белым пальчикам и продолжал: – Мадам, его величество поручили мне объявить вам, что он ждет вас поблизости отсюда, на Бернском мосту.

Кареты вновь тронулись с места, и через лье показались кареты короля и его свиты. Госпожа Антуан вышла из своей берлины и, ведомая господином де Шуазэлем, подошла к Людовику XV.

Среди разодетых дам и кавалеров она видела только его. В свои пятьдесят пять король сохранил изящество и благородную осанку, однако на изможденном лице и в мутных глазах отпечатались следы, оставленные ежедневными излишествами его тайной жизни.

– Сир, – сказал Шуазэль, – позвольте мне представить вам одно из лучших украшений вашей короны...

Госпожа Антуан уже бросилась к ногам Людовика XV. Король ласково поднял ее.

– Добрый день, мое дорогое дитя, – сказал он, поцеловав ее. – Добро пожаловать. Путешествие было приятным? Не бойтесь, вы нашли старого папочку, который будет вас любить... Посмотрите на меня, чтобы я увидел, как вы очаровательны... Ах! Какой милый подарок нам прислала наша дорогая императрица!

Госпожа Антуан улыбалась, уже успокоившись.

– Сир, я уже полна желания отплатить вам за вашу доброту!

– Достаточно продолжать мне улыбаться, – сказал Людовик XV, потрепав ее по щеке. – Пойдемте, я познакомлю вас с вашей новой семьей... Прежде всего, мои дочери, ваши тетушки...

Три дамы стояли немного в стороне, кутаясь в лишенные элегантности плащи, словно боясь, что их потревожат. Одна была костлявой и строгой, вторая толстой, у третьей был испуганный вид.

Король представил их:

– Мадам Аделаида, мадам Виктоар, мадам Софи; они не хотят ничего иного, кроме возможности любить вас.

Госпожа Антуан перешла в их объятия, но ей показалось, что их молчаливые излияния лишены тепла и искренности.

– А теперь, мое дорогое дитя, – вновь заговорил Людовик XV, – вам, должно быть, не терпится обнять вашего супруга... но где же он? Ах, вот...

В нескольких шагах, прислонясь к дереву, стоял высокий нескладный молодой человек, не шевелясь, не дыша, как будто старался остаться незамеченным. На бледном лице выделялись большие голубые глаза. Он был плохо причесан, а камзол его помят.

– Ну, Берри⁴, – обратился к нему Людовик XV, – вы ничего не скажете вашей жене?

Это был он. Антуан робко сделала шаг вперед. Дофин, щурясь, посмотрел на нее.

– Ан... Антуанетта, – проговорил он, – я... я очень рад вас видеть...

Он произнес эти слова высоким, почти пронзительным голосом. Она заметила, что он слегка заикается. Ее сердце сжалось. Так вот, значит, каков обещанный ей прекрасный принц?

– Право, Берри, – вновь заговорил король, – такое впечатление, что от вас исходит смерть... Чего вы ждете, чтобы поцеловать вашу супругу?

Дофин послушно, словно с неохотой, наклонился, и госпожа Антуан почувствовала прикосновение его мокрых губ к своей щеке.

Король наблюдал за парой. Он взглядом знатока оценил молодую женщину, ее стройную фигуру, тонкую талию, грудь, еще небольшую, но обещающую развиться. Он восхищался ее поднятыми кверху белокурыми волосами, живыми глазами и алыми, чуть полноватыми губами.

«Дюрфор решительно был прав, – подумал он. – Это лакомый кусочек. – Сочувственно взглянул на молодого супруга и пожал плечами: – А у него слишком плохие зубы, чтобы разгрызть его».

И меланхолично приказал отправляться в путь.

⁴ Будучи третьим по старшинству сыном дофина (сына Людовика XV), Луи-Огюст (будущий Людовик XVI) первоначально носил титул герцога Беррийского (де Берри). Смерть двух старших братьев (герцогов Бургундского и Аквитанского) и отца сделали его престолонаследником – дофином, при этом за ним сохранялся и прежний титул. Во французской королевской семье было распространено обращение к родственникам не по имени, а по названию их владения: Берри, Артуа, Конде и т. д.

Глава VIII. Свадьба

Через два часа кортеж прибыл в Компьенский замок, где Людовик XV представил дофине принцев и принцесс королевской крови. Мария-Антуанетта увидела, как кланяются ей толстяк герцог Орлеанский, его сын герцог Шартрский, герцог де Пантьевр, принц де Конде, герцог де Бурбон, принц де Конти...

– А вот принцесса де Ламбаль, – сказал Людовик XV, подходя к последней из представившихся особ. – Сожалею, что при моем дворе нет больше дам, похожих на нее.

Дофина увидела перед собой тонкое лицо, подобное цветочному бутону на хрупком стебле-теле. От этой миловидной особы с белокурыми локонами и нежными смеющимися глазами исходило ощущение свежести, живости и доброты. Движимая неосознанной симпатией, Мария-Антуанетта протянула молодой женщине руки.

– Мадам, – сказала она, – я чувствую, что мы с вами станем настоящими подругами...

Госпожа де Ламбаль покраснела и сумела пробормотать в ответ лишь несколько слов, но ее взгляд сказал дофине, что та завоевала ее сердце.

На следующий день кортеж отправился в Париж. Проезжая через Сен-Дени, Мария-Антуанетта познакомилась с мадам Луизой, своей четвертой тетушкой, удалившейся в монастырь кармелиток. По мере приближения к столице движение замедлялось, настолько плотной были толпы любопытных. Наконец в семь часов вечера показался замок Ла-Мюэт, где дофина должна была провести ночь.

Там ее ждали два деверя: преждевременно заплывший жиром граф де Прованс и граф д'Артуа, веселый, искрящийся лукавством. Наконец принцессу увели в ее спальню.

– Ой! – воскликнула она. – Что это?

На столе блестели какие-то предметы. Это были бриллиантовые, жемчужные, изумрудные украшения покойной дофины Марии-Жозефы⁵. Она тотчас надела их на шею, в уши и на руки и стала красоваться перед зеркалом, тихонько восклицая от восхищения.

Но ее ждали к ужину. Вздыхая, она сняла украшения и спустилась в залу. Приглашенные уже собрались за большим столом. Вдруг комнату наполнил ропот. Все повернулись к двери. В блеске бриллиантов в ней появилась роскошно одетая молодая женщина. Она направилась к своему месту, улыбнулась Людовику XV и села с королевской семьей.

– Кто эта дама? – спросила Мария-Антуанетта. – Мне ее не представили.

– Это госпожа Дюбарри, – ответила графиня де Ноай.

– А! Она очень красива... А что она делает при дворе? Статс-дама поджала губы:

– Ей поручено развлекать короля.

– Правда? – наивно переспросила дофина. – В таком случае он наверняка не скучает...

16 мая Мария-Антуанетта прибыла в Версаль. При ее проезде играла музыка, гремели барабаны, была построена швейцарская и французская гвардия. Тысячи любопытных заполнили улицы, громко выкрикивая здравицы.

Расцеловавшись со своими золовками, Мадам Клотильдой и шестилетней Мадам Елизаветой, она прошла в свои апартаменты, где служанки должны были ее причесать и одеть.

Ровно в час, предшествуемая обер-церемониймейстером, свадебная процессия покинула кабинет короля и направилась к часовне. Вокруг Людовика XV собралась вся его семья, принцы крови со своими свитами, принцессы и семьдесят придворных дам.

⁵ Мария-Жозефа (Йозефа) Саксонская – жена дофина Людовика, сына и наследника Людовика XV, мать Луи-Огюста (будущего Людовика XVI), мужа Марии-Антуанетты, и его братьев.

Во главе шествовал дофин, мокрый от пота и неловко чувствующий себя в одеянии ордена Святого Духа, расшитом золотом и усыпанном бриллиантами. Он вел за руку дофиню, которая легко шагала в белом парчовом платье с большими фижмами.

Улыбаясь присутствующим, Мария-Антуанетта незаметно наблюдала за мужем. Он не сказал ни слова очаровательной новобрачной, шедшей рядом с ним. Его отвислая нижняя губа говорила о дурном характере.

– О чем вы думаете, Луи? – тихо спросила она.

– Ни о чем, Антуанетта, – резко ответил он.

Разочарованная, дофина не стала настаивать, и ее спутник вновь погрузился в мрачные мысли, которые не становились менее конкретными оттого, что он не мог высказать их вслух.

«Что я здесь делаю? – спрашивал он себя. – Женюсь? А надо ли мне жениться, когда можно было бы славно поохотиться в Сент-Юбере на оленя?..»

После того как архиепископ Реймский благословил тринадцать золотых монет и кольцо, пара прослушала мессу. По окончании службы королевская семья, подписав акт о бракосочетании, вернулась в апартаменты короля, где Мария-Антуанетта приняла присягу от служащих своего дома. Затем госпожа де Ноай представила ей послов и министров. Перед ней бесконечно следовали разряженные люди, и все эти имена, незнакомые лица заполняли ее голову, как болезненный вихрь.

Она немного пришла в себя, только когда герцог д'Омон принес ей обитую красным бархатом шкатулку, в которой лежали свадебные подарки короля. Перед ее глазами засверкали золото и драгоценные камни. Погружение рук в прохладу камней сразу же сняло усталость. Как бы ей хотелось надеть эти драгоценности все сразу и не снимать их!

Приближался вечер. Людовик XV намеревался перейти в Большую галерею, чтобы играть там в карты, как вдруг глухой шум, перекрывающий звуки праздника, сотряс дворец. Гроза!

Тотчас в окнах замелькали зигзаги молний, от ударов грома закачались люстры; проливной дождь, похожий на потоп, загнал в помещения замка людей, гулявших во дворах и садах. Король подошел к одному из окон и выглянул наружу.

– Сегодня вечером устроить фейерверк не получится, – сказал он. – Перенесем его на завтра.

По толпе придворных пробежал разочарованный шепот; казалось, непогода остудила восторги гостей. В углу галереи герцог де Ришелье наклонил к госпоже Дюбарри свое лицо фавна с продубленной кожей, на котором нос, казалось, жил отдельно.

– Печальное предзнаменование для новобрачных! – сказал он. – Не так ли, мой прекрасный друг?

Графиня, не сводившая глаз с Марии-Антуанетты, загадочно улыбнулась, но промолчала...

Однако в девять часов Людовик XV остановил игру и, сопровождаемый двором, отправился в Оперный зал, специально оборудованный для ужина. Для королевской семьи был поставлен сервированный золотой посудой особый стол. Как только король и члены семьи сели, заиграл симфонический оркестр и шесть тысяч человек приготовились продефилировать за балюстрадой.

Развлекаемая музыкой, удивленная любопытными, пришедшими посмотреть, как она ест, Мария-Антуанетта ела мало, словно птичка. Зато дофина занимало лишь содержимое его тарелки. Он поглощал куски рагу и запивал большими бокалами бургундского. Людовик XV с беспокойством посмотрел на него.

– Послушайте, Берри, – сказал он, – не перегружайте излишне ваш желудок. Подумайте о том, что вы должны делать этой ночью.

Дофин поднял на деда тусклые глаза.

– Это почему? – спросил он, решительно атакуя пирожные. – Я всегда сплю намного лучше, когда плотно поужинаю.

Король воздел глаза к небу и вздохнул. Решительно, в этом юноше текла кровь не Бурбонов.

Когда ужин закончился, двор проводил новобрачных до супружеской спальни. Архиепископ Реймский благословил постель, затем герцогиня Шартрская подала Марии-Антуанетте ночную рубашку, госпожа де Ноай отдернула полог. У того, что произойдет дальше, не должно было быть свидетелей.

– Хорошей ночи, дети мои! – пожелал король.

И удалился в сопровождении дам и принцесс.

Новобрачные остались вдвоем перед полуоткрытой постелью. Дофин, переминавшийся с ноги на ногу, не знал, как себя вести. Застенчивый и угрюмый, он не решался взглянуть на молодую жену, которая, в ожидании большего, улыбалась.

Потупив глаза, покрасневшись от волнения, Мария-Антуанетта напрасно ждала хоть слова или жеста. Молчание становилось тягостным, и она кашлянула. Этот звук словно стряхнул с дофина оцепенение, он резко развернулся и направился к двери.

– Как, Луи! – воскликнула новобрачная. – Вы меня уже покидаете?

– Я слишком хочу спать, – ответил он хмурым тоном. – Спокойной ночи, Антуанетта!

И, не обернувшись, вышел тяжелым шагом. Придя в свою спальню, он стал было раздеваться, но, когда уже ложился в постель, в голове у него мелькнула мысль.

– Право, – сказал он, – я сегодня не в себе.

В одной сорочке он сел за небольшое бюро, взял тетрадку, в которой фиксировал день за днем свое времяпрепровождение и впечатления, и записал: «16 мая 1770 года, среда, моя свадьба, апартаменты в галерее, королевский пир в Оперной зале».

Мгновение он размышлял, не было ли еще какого-нибудь достойного упоминания события; не найдя ничего заслуживающего увековечивания на бумаге, закрыл тетрадь и, довольный, лег в постель. Через две минуты он уже громко храпел.

Следующим утром принцесса де Гемене, которой принадлежала честь разбудить новобрачных, вскрикнула от изумления, отдернув полог их супружеской постели: дофина была одна.

– Господи прости! – воскликнула принцесса. – Но монсеньор дофин поднялся так же рано, как обычно.

– Не говорите мне об этом, – произнесла в ответ Мария-Антуанетта. – Мне много рассказывали о французской вежливости, но я думаю, что вышла замуж за самого вежливого представителя этой нации.

– Все же я надеюсь, что ваше высочество тем не менее хорошо провели ночь.

– А кто, мадам, мог бы мне в этом помешать? – с раздражением бросила молодая женщина.

Но сейчас было не время жаловаться по поводу напрасно потерянной первой брачной ночи. Ее ждали празднества, которые на какое-то время должны были заставить ее забыть о неудачах супружества.

Служба королевских развлечений приготовила девятидневные увеселения и торжества – дань уважения Франции и двора новой дофине. Для нее ставили оперы, комедии и трагедии; в ее честь устраивались балеты-аллегии. Ежедневно во второй половине дня давался бал, и, ведомая в танце красавцами-кавалерами с прекрасной осанкой, она забывала, что, когда с ней танцует дофин, он топчется, словно деревенщина, и наступает ей на ноги.

Она присутствовала на народных гуляньях в садах; акробаты исполняли для нее свои лучшие номера, а канатоходцы своей смелостью вызывали холодок страха в ее груди. Едва

спускалась ночь, начинался треск фейерверков, повсюду светились фонари и гирлянды, каждое дерево казалось охваченным пламенем; по воде, под звуки музыки, скользили сказочные гондолы; фонтаны выбрасывали в черное небо пламенеющие жемчужины и потоки огня.

Все вокруг нее пели и плясали; она вдыхала воздух, в котором смешивались ароматы духов, аккорды мелодий и улыбки; она видела лишь счастливые лица; ее уши слышали только льстивый шепот и здравицы, а любое ее слово, воспринимавшееся словно ответ оракула, передавалось из уст в уста, становясь легендой.

Действительность превосходила все то, что могла придумать фантазия пятнадцатилетней девочки. Это ради нее дворец обтянули золотой парчой, а парк каждый вечер расцветает огнями фейерверков, это перед ней склоняют седые гордые головы представители знатнейших семей Франции, вокруг нее кружатся, точно спутники вокруг звезды, красивейшие женщины мира в ослепительно роскошных туалетах. Кто же она такая, если при ее появлении переменялось лицо мира?

Но вот настал последний день торжеств. 30 мая свадьбу дофина, в свою очередь, празднует Париж. Струятся фонтаны вина, громоздятся горы мяса. В устроенных на каждом перекрестке балаганах акробаты и музыканты собирают народ. Вечером должен состояться большой фейерверк на площади Людовика XV. С восьми часов там собралось сто тысяч любопытных, толпа выплеснулась на улицу Руаяль и на берега Сены.

В этот же час Мария-Антуанетта, которая должна присутствовать при этом действе, выезжает из Версаля в карете с тетушками. Стемнело. Они подъезжают. Вот уже Курла-Рен. Ночь разрывают несколько ракет. Дофина хлопает в ладоши: быстрее! Успеют ли они вовремя, чтобы увидеть, как загорится построенный Руджиери храм Гименея?

Но что это за шум? Уже приветствия, которыми встречают ее появление? Мария-Антуанетта высовывается из окна, готовая улыбаться и махать своими белыми ручками. Нет! Шум нарастает, перекрывает скрип колес и топот копыт. И вдруг громкий вопль заставляет задрожать стекла кареты, которая останавливается. Среди пронзительных криков и глухих стонов колышется и распадается толпа. Люди с искаженными ужасом лицами спасаются бегством; топот перепуганных беглецов окружает экипаж.

Подъезжает кавалер из эскорта. Он ужасно бледен.

– Паника, – бормочет он. – Тысячи людей давятся на площади. Надо разворачиваться, не то карету сметут.

Кучер с трудом разворачивает экипаж среди обезумевших людских волн, сменяющих одна другую. Лошади встают на дыбы, потом пускаются галопом. Мадам Софи пронзительно кричит; откинувшись на подушки, Мария-Антуанетта затыкает уши, чтобы не слышать проклятий, криков боли и стонов умирающих, преследующих ее.

Через несколько часов на очищенной площади подбирают раненых и считают трупы, которых оказывается сто тридцать два.

Служба королевских развлечений этого не предусмотрела.

Глава IX. Визит

Мария-Антуанетта зевнула, возможно, в сотый раз с утра. Господи! Как она скучала в этом дворце! Неужели он тот же самый, куда она приехала несколько недель назад? Какой злой дух вдруг изгнал из него радость, фантазию и свет?

Она больше не принадлежала себе, каждая минута ее жизни была расписана в соответствии с не признававшим ни капризов, ни случайностей расписанием, над которым госпожа де Ноай бдела, словно дракон над сокровищами. Малейшее желание принцессы вызывало скандал, и ежесекундно с уст статс-дамы слетало это слово, звеневшее, точно связка ключей на поясе у тюремного надзирателя: этикет запрещает, этикет не терпит, этикет требует...

– Ах, мадам! – воскликнула выведенная из себя дофина. – Ради бога, оставьте меня в покое с вашим этикетом.

Где были времена Шёнбрунна и свободная жизнь, которую она там вела? Сегодня утром, как и каждый день, она встала в девять часов. После того как прочитала молитвы, ее одели. После завтрака она нанесла визиты тетушкам. Там находился король, сделавший ей комплимент по поводу ее цветущего вида. В одиннадцать часов причесывание. В полдень она наложила румяна и помыла руки перед всем своим двором, потом дамы одели ее для мессы, которую она прослушала вместе с королевской семьей. По окончании мессы Мария-Антуанетта села перед публикой за стол вместе с дофином, потом вернулась к себе. Что делать под надзором стольких женщин, не упускавших из виду ни единого ее движения? Ни чтение, ни музыка ее не интересовали. На стуле валялась куртка, которую она взялась вышивать для мужа. Одному Богу, знающему будущее, известно, когда эта работа будет завершена. А сейчас...

– Мадам, – объявила графиня де Ноай, – только что пробило три часа. Время визита вашего высочества к вашим тетушкам.

– Опять! – вскричала дофина. – Но я уже навещала их сегодня утром.

– Этикет, – сурово заметила статс-дама, – предусматривает два визита в день. К тому же общество принцесс пойдет вашему высочеству только на пользу.

Мария-Антуанетта вздохнула. Любые возражения были бесполезны. Она встала и, сопровождаемая двумя дамами, отправилась в покои тетушек, занимавших на первом этаже бывшие апартаменты госпожи де Помпадур. На пороге она заколебалась. Резкий голос проникал сквозь драпировки и стены.

– Что за женщина! – прошептала дофина в отчаянии, шагая через порог.

Высокая, сухая, с багровым лицом, мадам Аделаида, во власти необыкновенного возбуждения, мерила комнату шагами.

– И я говорю вам, Виктуар, что мое терпение на исходе... Я положу конец этому скандалу; чтобы и слуху не было об этой голодранке! Иначе я устрою публичный скандал...

– Успокойтесь, моя милая, успокойтесь, – уговаривала сестру мадам Виктуар, которая, сидя за столиком, безмятежно макала печенье в бокал с испанским вином, а потом обсасывала его, прикрыв глаза от удовольствия.

В этот момент мадам Аделаида заметила дофину и повернулась к молодой женщине. Рот ее, где не хватало двух зубов, был перекошен от злости.

– А, это вы, Антуанетта, – сказала она. – Вы очень кстати. Мне надо поговорить с вами о серьезных вещах.

– Проходите, моя хоросая, – пригласила мадам Виктуар, – присаживайтесь рядом со мной. Сегодня весером вы просто осяровательны...

Дофина охотно подошла к толстухе, ласково разговаривавшей с ней, пришепетывая по своему обыкновению.

– Антуанетта, – продолжала мадам Аделаида голосом, в котором звучал металл, – когда вы приходили сюда сегодня утром, здесь находился король, и мне пришлось промолчать, но уже давно пора с вами поговорить...

– О чем, тетушка? – спросила смутно встревоженная принцесса.

– О госпоже Дюбарри... Ах, Антуанетта, берегитесь этой женщины, она опасна...

– Что же она сделала?

Мадам Аделаида устремила взгляд вверх, призывая на помощь силы небесные.

– Что она сделала? Вы скоро узнаете это... Да будет вам известно, что король попал во власть бестии, бесчестящей корону.

– Неужели это возможно, тетушка?

– Знайте также, что именно из-за нее и во искупление грехов своего отца наша сестра Луиза удалилась в монастырь кармелиток. Эта девка, вылезшая из помойной ямы, стала больше чем королевой Франции. Людовик XV все видит исключительно ее глазами. Он с ней больше не расстается, развлекается приготовлением пищи в ее апартаментах... я уже не говорю о прочих их занятиях...

– Надо признать, – вставила мадам Виктуар мокрыми от вина губами, – что наш отец превосходно готовит... Ах, Антуанетта, если бы только попробовали его голубей с базиликом!

– Замолчите, Виктуар. Ваше чревоугодие обеспечит вам в аду особое место... А пока подумайте: король Франции каждый день перевоплощается в повара, хорошенькое зрелище!

Представив себе эту сцену, Мария-Антуанетта не сдержалась и фыркнула от смеха. Мадам Аделаида испепелила ее взглядом:

– В этом нет ничего смешного, мадам... Вы могли бы лучше сдерживать себя, когда я с вами разговариваю... Но оставим... Об этой женщине рассказывают вещи, которые стыдливость не позволяет мне повторить, но вы можете попросить вашего мужа просветить вас.

Заинтересовавшись, Мария-Антуанетта наострила уши. Тайна, окружавшая при дворе госпожу Дюбарри, возбуждала ее любопытство. Когда при ней заговаривали о фаворитке, то делали это всегда с недомолвками, вздохами, с шокированным видом. Она приняла невинный вид:

– Луи действительно...

– Луи в курсе всего. Он не раз ужинал в Сент-Юбере с королем и этой потаскухой; он видел, он понял... Обратитесь к нему и все узнаете, моя малышка.

– Хорошо, – согласилась молодая женщина, – при первой же okazji я его спрошу...

– Очень вам советую... А пока, раз уж мы заговорили об этом, я дам вам еще один совет... В скором времени мы отправимся в Шуази, Марли и Компьень; вы ежедневно будете видеть эту проклятую женщину, она попытается вас обворовать, я ее знаю. Остерегайтесь ее, это змея, ее красота ядовита.

Мария-Антуанетта непроизвольно бросила взгляд на дверь. Хотя серьезный разговор продолжался недолго, он уже утомил ее.

– Сестра, – заметила мадам Виктуар, – мы нагоняем тоску на это дитя... Давайте, милоська, лучше поговорим о том, что вам интересно... Вам здесь нравится?

– Конечно, – ответила дофина без особого пыла, – все здесь так любезны со мной.

– Возможно, вам не хватает развлечений, но я сообщу вам приятную новость: король разрешает вам с завстрасного дня совершать прогулки по парку на осле. В конюшнях есть очень спокойные и добрые ослики. Вы сможете дышать свежим воздухом. Вы довольны?

– Я счастлива, тетушка, и с радостью воспользуюсь этим позволением.

– А как ваш брак, мое дорогое дитя? Вы никогда не упоминаете о вашем супруге. Вы им довольны?

– Я не могу ни жаловаться на него, ни хвалить, – ответила Мария-Антуанетта. – Он совсем не уделяет мне внимания. Мне кажется, он меня боится.

Мадам Аделаида приблизилась и, вперив в дофину блестящие глаза, спросила:

– Но он бывает с вами нежен?

– Нежен? Тетушка, я вас не понимаю...

– Не скромничайте, – раздраженно бросила мадам Аделаида. – Надеюсь, он иногда проявляет в отношении вас те знаки любви, которые всякий добрый супруг обязан проявлять к своей жене... Он одаривает вас некоторыми ласками...

Марии-Антуанетте стало не по себе от этого любопытства старых дев, неуместность и извращенность которого она чувствовала.

– Он? – переспросила она. – Я вижу его только когда мы садимся за стол.

– Боже милосердный! – вскричала мадам Аделаида. – Неужели он не посещает вашу постель?

– Я напрасно жду его эти несколько недель, но каждый вечер...

Мадам Аделаида, на мгновение ошарашенная данным признанием, быстро опомнилась:

– Он придет, Антуанетта, этого требует будущее трона; наберитесь терпения... Впрочем, не следует судить о нем по внешности. Он робок. Не далее как вчера он признался мне, что нашел вас очень милой; что ему очень нравятся ваши лицо и фигура.

– Тогда чего же он ждет, почему не скажет мне это сам? – заметила молодая женщина, которую оставило равнодушной это признание в любви, дошедшее через посредство старой девы.

– Он скоро это сделает, Антуанетта, – заявила мадам Аделаида. – Будьте уверены; он очень много о вас думает; например, выразил желание, чтобы мы виделись чаще. Его мысль очень здравая; вот, малышка, ключ от наших апартаментов, можете приходить сюда без эскорта, когда вам заблагорассудится...

– О, тетушка, как мне дороги знаки вашей доброты! – воскликнула дофина, беря ключ с сильным желанием показать язык.

Она встала, чтобы попрощаться, когда мадам Виктуар с встревоженным видом пощупала свой живот.

– Я проголодалась, – сказала она. – Перекусите со мной, Антуанетта?

– Благодарю, – ответила дофина, – я ничего не хочу.

Однако мадам Виктуар уже открыла шкаф, забитый колбасами, окороками, пирожными и банками с вареньем, и с наслаждением принялась:

– Только одну печенку, смоченную в вине, за компанию?

– Оставьте ребенка в покое, – нетерпеливо произнесла мадам Аделаида, – она не такая, как вы, и не думает только о еде.

Мадам Виктуар затрясла от возмущения толстыми щеками.

– Неужели у вас хватит сердца упрекать меня за то, что я ем, Аделаида... Могут же у меня быть свои слабости? Кстати, я не попрекаю вас, когда вы по два часа кряду играете на валторне или варгане!

Мария-Антуанетта направилась к двери. И вдруг до нее долетел ветерок, означавший приближение человека.

– Добрый день, Антуанетта! – произнес блеющий голос.

Перед ней промелькнула черная тень. Это была третья тетушка, мадам Софи, которая, ссутулив плечи, опустив нос к полу, прошмыгнула через комнату и скрылась в противоположном ее конце, словно нагруженная орехами белка.

– Ну и семейка! – простонала Мария-Антуанетта, выйдя от теток. – А ведь мой день еще не закончился.

В четыре часа пришел аббат Вермон побеседовать о Боге и морали; в пять часов явился учитель игры на клавесине. С семи до девяти она устроила у себя карточную игру, потом в девять часов должен был начаться ужин у тетушек, где, как почти каждый вечер, пришлось

дождаться короля до одиннадцати, прежде чем сесть за стол. Чтобы как-то убить время, она прикорнула на диване, а дофин тем временем храпел в кресле. Наконец все поужинали, и около полуночи она смогла лечь спать.

На следующий день все повторилось сначала, и в последующие дни тоже.

– Нет, нет! – сказала она себе с глухой яростью. – Это невозможно. Это надо изменить.

Глава X. Разговор наедине

Мария-Антуанетта, дофин, граф де Прованс и граф д'Артуа вышли из-за обеденного стола.

Граф де Прованс шел мелкими шажками, выпячивая живот. Его коротенькие руки выписывали в воздухе франтовские жесты.

– Чем вы собираетесь заниматься сегодня во второй половине дня, сестра? – спросил он дофину.

– Буду кататься на осле. Составите мне компанию?

– Ах, моя красавица! – сказал принц. – Вы отлично знаете, что я куда лучше сижу за столом, чем верхом на животном. Моя комплекция не позволяет мне делать резких движений. Поверьте, мне очень жаль... При вашем проезде лесные нимфы умрут от зависти, что же касается сатиров, я уже сейчас вижу, как поднимаются их... уши...

Он издал игривый смешок и, довольный собой, принялся грызть ногти. Мария-Антуанетта косо взглянула на деверя, чьи слащавые манеры и вульгарный язык вызывали у нее неприязнь. Она собиралась ответить, как вдруг шум спора заставил ее повернуть голову.

Стоя на пороге залы, дофин, согреваемый теплом успешного пищеварения, потянулся во весь рост. Внезапно граф д'Артуа, шедший сзади, резко отодвинул его:

– Ты не мог бы посторониться, когда я прохожу?

Дофин в ярости обернулся.

– Чтоб тебя... в бога и дьявола! – гневно крикнул он. – Хочешь, я надеру тебе уши, чтобы научить уважению?

– Попробуй, длинный балбес!

Граф д'Артуа, отбежав на безопасное расстояние, показывал брату язык. Дофин было бросился к нему, но Мария-Антуанетта удержала его за рукав.

– Ну же, – сказала она, – успокойтесь оба. Что за манеры! Пойдемте со мной, Луи.

Смягчившись, дофин, вернувший себе обычное спокойное выражение лица, последовал за женой.

– Куда вы направляетесь теперь, мой друг? – спросила молодая женщина.

– Мне надо проведать моих собак и доезжачих. Завтра мы охотимся в Медонском лесу на косулю.

– Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

На лице наследника престола появилось беспокойство.

– Вы хотите меня о чем-нибудь попросить? Я вас слушаю... Только быстрее!

– Нет, Луи, не здесь. Нас не должны слышать. Пойдемте к вам...

Она потянула мужа, который покорно, хоть и с недовольным видом, последовал за ней. Свернув в галерею, ведущую к апартаментам дофина, они встретили высокого худого мужчину в черном, поклонившегося им до земли.

– Здравствуйте, герцог! – поприветствовал его дофин.

Мария-Антуанетта поджала губы и отвернулась.

– Решительно, куда ни глянь, встретишь этого злого субъекта, – сказала она.

Когда они прошли, господин де Ла Вогийон долго смотрел вслед удаляющейся паре; тонкая улыбка сузила его глаза, и, не сводя глаз с дофина и дофины, он небрежным шагом пошел назад.

– Итак, Антуанетта, в чем дело? Небо загорелось? – спросил молодой человек, едва они остались одни.

– Друг мой, речь идет о госпоже Дюбарри.

– Не говорите мне об этой женщине, мадам! – грубовато воскликнул дофин. – Эта тварь – позор Версаля.

– Напротив, месье, поговорим о ней. Ваши тетушки посоветовали расспросить о ней вас. Они из стыдливости не осмелились открыть мне истину. Но если мой муж не хочет меня просветить, хотя это его долг, я обращусь к другим...

Дофин раздраженно махнул рукой:

– Ладно! Пусть будет так, раз уж вы хотите. Знайте, что госпожа Дюбарри – любовница короля...

– Его любовница? Как я должна это понимать?

– Они вместе спят...

– О!

– Точно так же, как если бы они были женаты! Он в постыдной власти этой мерзавки. Она осыпает его ласками, малейшая из которых стоила бы последнему нашему конюху вечного адского пламени. Но самое худшее то, что, ради удержания моего деда в своей власти, она потворствует его разврату, толкает его в объятия других женщин... И все это творится в маленьком домике в Оленьем парке.

Глаза Марии-Антуанетты вспыхнули.

– Что он там делает?

– Не знаю... Наверняка... ужасные вещи...

– Вам бы следовало знать, Луи... в вашем возрасте! Убеждена, что граф де Прованс, хоть и младше вас, знает всё.

– Мой брат хитрец. Его действительно видели в этом доме.

– Я это предчувствовала... Ах, Луи, вам бы тоже следовало, до знакомства со мной, взять там несколько уроков. Они бы вам сейчас оченьгодились. Меня больше не удивляет то, что вы мною так пренебрегаете.

– Антуанетта! Подумайте о том, что вы говорите! – воскликнул дофин.

Но молодую женщину уже понесло.

– Вы думаете, меня это очень веселит? Все здесь говорят, что я получила мужа, который ни на что не годен, надо мною смеются. Не далее как вчера Артуа спросил меня: «Ну что, ваш Луи по-прежнему...» и постучал пальцем по лбу. Так не может продолжаться.

Смущенный дофин отвернулся и, чтобы как-то скрыть смущение, принялся барабанить пальцами по столу. Вдруг он, казалось, принял решение:

– Вы правы, Антуанетта, мы должны жить, как настоящие супруги... Подождите несколько дней, когда мы будем в Компьене или Фонтенбло...

– А почему не прямо сейчас, мой друг?

Бледное лицо дофина покраснело до ушей.

– В общем... должен вам сказать... сейчас мне мешает... маленький дефект моей природы... О! Не волнуйтесь, ничего серьезного, господин де Лассон меня заверил, что достаточно будет простой операции...

– Чего же вы ждете, чтобы отправиться к вашему хирургу? Вы боитесь?

– Я? Как вы могли предположить... но я об этом подумаю, Антуанетта, обещаю вам.

Повисло молчание. Дофин почувствовал, что сейчас самое время сменить тему разговора.

– Мы говорили о госпоже Дюбарри, – напомнил он. – Если бы эта женщина была только куртизанкой самого низшего сорта, это было бы полбеды, но она желает управлять королевством, интригует...

– Против господина де Шуазёля, которого поклялась погубить?

– Откуда вы знаете, Антуанетта?

– Кое-что рассказал господин де Мерси, австрийский посол. Меня просили предостеречь вас. Впрочем, я не запомнила, в чем именно обвиняют господина де Шуазёля.

– Во многом. Прежде всего в том, что он поддерживал парламент⁶ Бретани против короля, затем в том, что изгнал иезуитов. Неужели нельзя было оставить этих людей в покое? Что плохого они сделали?

– Вы от меня слишком многого требуете, Луи; политика меня не интересует, но я знаю, что господин де Шуазель – друг моей матери и что именно он устроил наш брак. Вы об этом сожалеете?

– Я? Нисколько, – пробормотал дофин.

– В таком случае надо поддержать того, кому мы обязаны нашим счастьем; но вы, кажется, не готовы пойти на это. Что вы имеете против этого министра?

– Он дурно отзывался о моем отце; я никогда ему этого не прощу.

– Что же такого он про него говорил?

– Вы хотите это знать, Антуанетта? Хорошо, слушайте. Этот человек посмел заявить моему отцу: «Монсеньор, возможно, в один злосчастный день я стану вашим подданным, но я никогда не буду вашим слугой».

Мария-Антуанетта пожала плечами:

– Все это в прошлом, Луи, надо думать о настоящем, а в этот момент господин де Шуазель противостоит всей клике госпожи Дюбарри.

– Я их плохо знаю, – признался дофин, – этих Мопу, Терре, д'Эгийона и герцога Ришелье, который, как Вольтер, продал душу дьяволу...

– Вы забыли, мой друг, еще одного, и не из последних: господина де Ла Вогийона...

– Моего наставника?

– Его самого... Можно сказать, что вас доверили неприятному субъекту. Этот господин лжив, у него низкая душа. В лицо он улыбается, но на самом деле ненавидит меня и думает только о том, как бы разлучить нас с вами.

– Антуанетта, – запротестовал дофин, – уверяю вас, вы заблуждаетесь относительно господина де Ла Вогийона.

– Я знаю, что говорю. Впрочем, достаточно просто открыть глаза: мы не можем шагу ступить вдвоем, чтобы он не оказался у нас за спиной. Он кружит возле нас, шпионит. Я уверена, что и в этот момент...

Мария-Антуанетта не договорила, одним прыжком подскочила к двери и распахнула ее. За дверью оказался тот самый дворянин, который, будучи застигнутым за подсматриванием в замочную скважину, не успел распрямиться.

Хлесткий смех дофины, как кнут, рассек воздух.

– Разве я была не права, Луи? Взгляните на этого добродетельного человека, которого вы защищали! – И, обращаясь к господину де Ла Вогийону, который с жалким видом встал, отчитала его: – Мои поздравления, герцог! Значит, теперь вы подслушиваете под дверью? Прекрасное занятие для дворянина! Не буду скрывать от вас, что на моей родине этому развлечению предаются только лакеи.

– Прошу вас, Антуанетта! – простонал дофин.

– Я закончила, – заявила молодая женщина. – Я вас не задерживаю, герцог, но хорошенько запомните, что с сегодняшнего дня я запрещаю вам попадаться мне на глаза. Уходите!

Бледный от гнева, господин де Ла Вогийон поклонился и, не сказав ни слова, ушел, пятясь.

⁶ Парламенты в дореволюционной Франции – высшие судебные органы. Помимо Парижского парламента, существовали парламенты в различных провинциях.

– Вы видели, Луи, – с торжествующим видом обратилась Мария-Антуанетта к мужу, – этот уж точно больше не станет нам досаждать. Разве вы не довольны?

Дофин с тревогой посмотрел на жену. Эта живость, быстрота в решениях вызывали у него ощущение дискомфорта.

– Вы правильно поступили, – сказал он, – но, возможно, были слишком суровы.

– Так было нужно, мой друг. Бросьте! Оставьте вашу кислую мину! Я с удовольствием вижу, что мы созданы, чтобы поладить. А поскольку в скором времени заживем в интимной дружбе, нам пора откровенно поговорить. Так нам было бы легче исправить свои мелкие недостатки. Хотите, чтобы мы устроили этот душевный экзамен?

– С удовольствием, Антуанетта. Вы со своей стороны в чем можете меня упрекнуть?

– В немногом, но все-таки: вы по любому поводу ругаетесь. Ежесекундно оскорбляете Господа и его святых; у меня от этого дрожь по телу...

– А вот мой предок Генрих IV... – возразил дофин.

– Вы очень сильны в истории, я знаю, но, послушайте меня, оставьте ругательства слугам... Теперь другой момент, Луи. Вы грязнуля...

Наследник престола возмутился:

– Грязнуля?! Странно это слышать от вас, которая до ужаса боится воды.

– Может быть, – согласилась обиженная Мария-Антуанетта. – Но я если не моюсь, то потому, что хочу досадить госпоже де Ноай. А вы? Вот вчера вы сели за стол, весь усыпанный штукатуркой и с руками как у угольщика... фу!

– Ну, наверное, я спешил, – пробормотал пристыженный дофин.

– Пусть так, но, надеюсь, впредь вы станете лучше следить за собой. И потом, раз уж мы заговорили о столе, примите от меня совет, хоть и неприятный. Сделайте над собой усилие, чтобы есть опрятнее. Вы пускаете слюну на жабо. Вместо того чтобы постоянно глотать пищу, улыбайтесь, скажите что-нибудь, продемонстрируйте свой ум, знания, это поможет желудку. А так только на этой неделе у вас уже дважды было несварение.

– Да, но я принял сыворотку и слабительное.

– Я предлагаю вам лучшее средство. Вплоть до отмены этого распоряжения я запретила подавать вам пирожные. Они вам противопоказаны.

Дофин подпрыгнул, в его глазах блеснул гнев.

– Вы это сделали? – переспросил он. – Не посоветовавшись со мной? Я так люблю пирожные... я вам запрещаю...

– Это для вашего же блага, мой друг, позже вы скажете мне спасибо.

Она улыбалась, глядя ему в глаза. Он потупился и пробурчал:

– Значит, вы здесь командуете?

– Боже упаси, Луи, но согласитесь, что я поступила, как подобает доброй супруге... Впрочем, я вижу, что утомляю вас... На сегодня достаточно, можете идти осматривать ваши экипажи.

Не заставляя повторять, дофин развернулся и направился к двери.

– Вы не поцелуете меня перед уходом? – спросила Мария-Антуанетта.

Хмурый, но покорный, он вернулся, неловко поцеловал жену в подставленную ею щеку и широкими шагами ушел.

Глава XI. Мадам де Ноай у короля

Госпожа Дюбарри полулежала на канапе в своей спальне. Белое муслиновое платье с золотой вышивкой и тонкими английскими кружевами оставляло широко открытыми ее плечи и ступни в серебристых туфельках с красными каблуками.

Людовик XV сидел рядом с ней. Он обнимал любовницу за талию и прижимал к себе ее прекрасное покорное тело.

– Ах, моя милая, – сказал он, – как же у вас хорошо.

– Да уж точно лучше, чем в Компьене или Фонтенбло, мой маленький Луи. По крайней мере, здесь, в Версале, вы мой; стоит вам подняться по лестнице, и вы прижимаетесь к моему сердцу. Разве это не прекрасно?

Король с удовольствием осматривал спальню фаворитки. Ему нравились интимность и уют обстановки. Все вокруг него было свежим, позолоченным, нарядным; любая вещь напоминала об изяществе и молодости, от расписного фарфорового комода Севрской мануфактуры до часов работы мастера Жермена, на которых стрела Амура поражала цифры.

На столике розового дерева урчала на горелке пузатая кофеварка. Комнату наполнял приятный аромат кофе. Людовик XV поднялся и с благоговейной осторожностью долил немного воды в фильтр.

– Хм! Думается, он получится крепким, – сказал он, с наслаждением принохиваясь.

– Мы с удовольствием выпьем его, мой дорогой сир, – отозвалась молодая женщина, – а пока этот божественный напиток готовится, садитесь сюда, напротив меня, и позвольте представить Возлюбленному⁷ проект «визави»⁸, для которого я желала бы получить его одобрение.

Госпожа Дюбарри взяла большой лист бумаги, который развернула на коленях у короля.

– О! Прекрасная карета! – воскликнул Людовик XV.

– Это Франсьен⁹ для меня сделал. Чудо, не правда ли? Ни у одной женщины в Версале не будет ничего подобного.

– Вы уже и так превосходите их во всем, – лукаво заметил король, – кроме как в целомудрии.

– Эй, сердечко мое, а что бы вы стали делать с добродетельной женщиной?

– Хороший ответ, милая моя! – сказал Людовик XV, мимолетно целуя мушку на щеке любовницы.

– Будьте благоразумны, мой маленький Луи, и послушайте меня. Видите, гирлянда из цветов идет вокруг панелей, а вот на этих будут нарисованы атрибуты Амура; наконец, на корзине с розами будут любовно целоваться клювами два голубка. Что вы скажете о моей идее? Не правда ли, галантно?

Людовик XV кашлянул.

– Несомненно. А вы не боитесь, мой ангел, что вид этих сладострастных птиц вызовет смех моего доброго народа? Я голубок без малого шестидесяти лет и летаю плоховато, да и воркую уже не так, как прежде...

– О, сир!..

⁷ Возлюбленный (Многолюбимый, от *фр.* Bien-Aimé) – прозвище короля, данное ему придворными льстецами в 1741 г., когда болезнь короля вызвала многочисленные молебны о здравии, заказывавшиеся для него представителями самых разных слоев населения, а выздоровление вызвало радость. В дальнейшем внутренние и внешние неудачи правления, произвол, гнет, засилье алчных фавориток, расточительность и разврат двора сильно уменьшили народную любовь к королю, и во время его последней болезни за его выздоровление было заказано всего несколько молебнов.

⁸ «Визави» – в данном случае: небольшой двухместный экипаж, пассажиры которого сидят лицом к лицу друг к другу.

⁹ Франсьен – придворный мастер-каретник.

– В то время как вы, моя белая голубка, вы – выдающаяся мастерица в ворковании. Кажется даже, если верить злым языкам, вы воркуете за пределами королевской голубятни.

– Что вы хотите сказать, Луи? – переспросила смутившаяся женщина.

Король улыбнулся и, покопавшись в кармане, извлек из него мятый листок бумаги:

– Вот что я нашел сегодня утром на моем столе. Нет, лучше я сам вам прочту. Слушайте:

Что настораживает и волнует,
Юбка, третья по счету,
Влюбилась в иголку.
У нее немало иголок,
Но – увы! – кому понравится
Видеть Францию севшей на иглу!¹⁰

– О, Луи! – воскликнула молодая женщина. – Это глупая клевета. Чтобы я тебя обманывала? Какая подлость! Ты единственный владыка моего сердца. Герцог д'Эгийон для меня только друг, надеюсь, ты в этом не сомневаешься... Необходимо разыскать мерзавца, посмевшегося написать эту гнусность...

– ...и отправить в Бастилию? – договорил Людовик XV, разражаясь смехом. – Успокойтесь, моя красавица, эта бумага не имеет для меня значения. Вот, возьмите ее и собственно-ручно бросьте в огонь. А теперь, пожалуйста, вернемся к колеснице нашей любви...

В этот момент дверь с шумом распахнулась и в комнату, подпрыгивая, вбежал маленький человечек – негритенок в шапке с помпоном и с белым воротничком на шее.

– В чем дело, Замор? – спросила графиня.

– Мадам, внизу спрашивают его величество.

– Ты знаешь кто? – осведомился Людовик XV. – Один из моих министров или господин де Ришелье?

– Нет, сир, это госпожа де Ноай.

– Что от меня понадобилось этой старой ведьме? Передай ей, что я не могу ее принять.

– Сир, – продолжал Замор, не выговаривая «р», – она утверждает, что это срочно, что ваше величество должны принять ее немедленно.

Людовик XV нетерпеливо махнул рукой.

– Когда же они оставят меня в покое?... Ладно, малыш, скажи ей, что я спускаюсь.

Король повернулся к фаворитке:

– Вы позволите? Одну секунду. Я только отошлю эту мегеру и вернусь... Следите за моим кофе!

Он легонько погладил груди любовницы:

– Какие они нежные и упругие, моя милая! Они из алебаstra и розы. Амур не терял время зря, когда лепил их своей рукой.

– А как ты хотел, подлый голубь! – воскликнула молодая женщина, стыдливо прикрывая грудь руками.

Король вышел и спустился по потайной лестнице в библиотеку на первом этаже. Госпожа де Ноай нервно расхаживала по комнате, тяжело вздыхая и воздевая глаза к небу; ее нос, ставший острее, чем обычно, был белым, словно полотно.

– Итак, мадам, – спросил Людовик XV, – что случилось?

– Ах, сир, – простонала графиня, – госпожа дофина меня уморит.

– Она заболела?

¹⁰ В памфлете обыгрывается созвучие слова «иголка» и фамилии герцога д'Эгийона, которого считали одним из любовников госпожи Дюбарри.

– Слава богу, она так же крепка, как мост вашего августейшего предка¹¹.

– Может, она подожгла дворец?

– Умоляю вас, сир, не насмехайтесь надо мной, дело серьезное; я больше не могу это выносить. Если так пойдет и дальше, я буду вынуждена отказаться от своей должности... Я присягала вашему величеству, но не смогу долго нести ответственность за воспитание юной принцессы, которая...

– Успокойтесь, прошу вас, мадам, и переходите к фактам... В конце концов, в чем вы обвиняете мою малышку Антуанетту?

– Сир, она хочет все делать по-своему, а в голове у нее одни глупости. Госпожа де Марсан согласна со мной в том, что до сегодняшнего дня, она получила самое дурное воспитание.

– Гувернантка Детей Франции¹² очень строга, это известно всем... Но я прошу вас, говорите скорее, мое время дорого.

– Все просто, сир, – возбужденно заговорила графиня. – Госпоже дофине необходимо учиться. Она неправильно сидит за столом, ходит, как женщина дурного вкуса, переваливается, качается...

– Все это несущественно...

– Вы очень снисходительны, сир, – желчно заявила старая дама. – Каждое утро приходится спорить по четверти часа, чтобы она согласилась почистить зубы; также невозможно заставить ее надеть корсет из китового уса; можно себе представить, как она будет выглядеть, когда ее талия расплывется! А когда я делаю ей замечание, она смеется мне в лицо... Впрочем, она постоянно смеется, ни с того ни с сего, без удержу...

– Послушайте, мадам де Ноай, она еще ребенок...

– Сир, вы не забыли, что речь идет о будущей королеве Франции? – с достоинством возразила статс-дама. – Но и это не всё. Вот уже несколько дней она желает выходить в парк одна... Позавчера она заметила бабочку, побежала за ней и потеряла туфлю. Ваше величество может мне верить, не менее десяти человек видели ее высочество босой...

– Какой ужас! Какая беда!

– А видели бы вы ее апартаменты! На каждом шагу натыкаешься на собак и маленьких детей. Собаки задирают лапу на гобелены, а мелюзга, которую она ласкает, полагает, что может все крушить. Она ведет себя почти спокойно, только когда навестить ее приходит госпожа де Ламбаль. Они подруги, и не могу от вас это скрыть и выскажу: на мой вкус, они слишком много целуются.

– Действительно, у госпожи де Ламбаль, должно быть, очень нежная кожа, – произнес Людовик XV мечтательным тоном.

– Вы меня не понимаете, сир, – с упреком заявила госпожа де Ноай. – Но, возможно, хоть это заставит вас беспокоиться. Знайте, что мадам дофина вбила себе в голову сесть на лошадь, не по-дамски, то есть прилично, а как мужчина, верхом!

– У нее оригинальные идеи, – констатировал король, которого забавлял этот разговор. – Но я полагал, что она каждый день катается на осле?

– Ослы! Ах, сир, давайте поговорим о них! – воскликнула госпожа де Ноай, охваченная внезапно накатившим гневом. – Каждый или почти каждый день, после обеда, она отправляется на прогулку с тетушками и монсьеором графом д'Артуа. Молодые люди удаляются, развлекаются друг с другом, и, признаюсь вам, их игры мне сильно не нравятся.

– И чем же они занимаются? – спросил заинтересовавшийся вдруг король.

¹¹ Имеется в виду построенный в Париже при Генрихе IV по его повелению Новый мост через Сену, украшенный конной статуей этого короля. Мост сохранился до наших дней и является старейшим среди парижских мостов.

¹² Дети Франции – титул детей и внуков королей Франции.

– Его высочество позволяет себе с мадам дофиной недопустимые вольности. Он щиплет ее...

– Вы хотите сказать, что он ее ласкает?.. Я его понимаю. Я всегда говорил, что Артуа намного умнее Берри.

Госпожа де Ноай бросила на короля злой взгляд:

– Заклинаю ваше величество отнестись к моим словам серьезно... Эти прогулки на осле служат к тому же предлогом для непристойных падений. Госпожа дофина с удовольствием падает со своего животного вверх ногами...

– И Артуа, естественно, всегда оказывается со стороны, наиболее достойной интереса?

– Но вы еще не слышали самого главного, сир, – продолжала оскорбленная графиня. – На днях госпожа дофина упала с осла. И знаете, что она сказала своему спутнику? «Шарль, сходите к госпоже де Ноай, пусть она вам скажет, что предписывает этикет, когда королева Франции не может усидеть на осле»...

Госпожа де Ноай замолчала; ее глаза пылали, парик топорщился от негодования. Она ожидала, что при подобном проявлении непочтительности король станет на ее сторону, чтобы осудить дерзкую, но Людовик XV улыбался.

– Я остаюсь при моем первоначальном мнении, – сказал он, – в этом нет ничего серьезного. Наша дофина жива, беззаботна, но, поверьте мне, с возрастом это пройдет; она станет более рассудительной. Конечно, она не во всем права, но она такая веселая, такая юная! Ах, мадам, если бы вы знали, как прекрасна молодость и как правильно ею наслаждаться! У госпожи дофины будет достаточно времени, чтобы стать похожей на нас...

– Сир, – произнесла униженная графиня, – если вы воспринимаете это так...

– Я не хочу никоим образом доставлять вам неприятности, моя дорогая графиня, поэтому сегодня же поговорю с моей внучкой... Я скажу ей, чтобы она лучше следила за собой, и она меня послушает. Ступайте, мадам. Вас никто и никогда не упрекнет за излишнюю снисходительность к нашей маленькой Марии-Антуанетте.

Сухая и прямая, с натянувшейся от огорчения кожей, госпожа де Ноай удалилась. Оставшись один, Людовик XV открыл дверь на потайную лестницу. И вдруг он услышал смех своей любовницы, который, отражаясь от ступенек, долетал до него каскадом жемчужин.

«Надо же, – подумал он, – ведь есть же такие старые дуры, которые хотели бы все это уничтожить... Ах, молодость!»

В этот момент у него над головой раздался чистый голосок госпожи Дюбарри:

– Луи, поторопись! Твой кофе убежал!

– Она очаровательна! – прошептал взволнованный Людовик XV.

И с юношеской прытью взбежал по лестнице.

Глава XII. Серьезный разговор

Мария-Антуанетта решительно макнула перо в чернильницу и написала: «Дражайшая матушка, прибытие почты принесло мне приятные новости, доставившие мне огромную радость...»

Она остановилась, как будто на эти две строчки ушел весь ее эпистолярный пыл, и, кусая перо зубами, в отчаянии посмотрела по сторонам.

– Ты даже не представляешь, как тебе повезло! – сказала она собачке, поскуливающей от удовольствия, греясь возле камина.

Какой кошмар это письмо! Она неделями откладывала это дело. Отвращение, испытываемое ею к пюпитру, вселяло отчаяние в душу господина де Мерси и тревожило посольство.

– Ну, смелее! – сказала она себе.

«... Я чувствую себя хорошо, дорогая матушка; дофин тоже в добром здравии. Все было бы благополучно, если бы после отправки моего последнего письма не произошли важные события...»

Перо зацепилось за бумагу, порвало ее, плюнуло кляксой и, как будто в нем что-то сломалось, отказалось двигаться дальше.

Мария-Антуанетта потянулась и зевнула. Ей казалось, что слова ведут себя по отношению к ней так же, как мятежные подданные, которые, вместо того чтобы ответить на ее зов, разбегаются с недовольными минами.

«... Господин де Мерси, – продолжала она, – должен был рассказать вам о немилости, которая...»

– Мадам, – сказала бесшумно вошедшая госпожа де Мизери, – здесь господин де Вермон. Время вашего чтения...

Мария-Антуанетта соскочила со стула.

– Вот мой спаситель, – воскликнула она. – Живее, приведите ко мне этого славного аббата.

Она быстро схватила лист бумаги, скомкала и со вздохом облегчения швырнула в огонь.

Вошел священник с книгой под мышкой. Маленькая рыжая собачка с черной курносой мордой бросилась к визитеру и, лая, принялась прыгать вокруг него.

– Тихо, Мопс! – прикрикнула на него Мария-Антуанетта. – Извините его, господин аббат, он, как и я, очень рад вас видеть... Как раз когда вы вошли, я писала матери.

– Нет более добродетельного занятия, мадам, – ответил аббат. – Вне всяких сомнений, обращаясь к ее величеству, ваше высочество находит самые прекрасные слова выражения своей дочерней любви... Я помешал вам, а посему удалюсь и оставляю вас продолжать на бумаге беседу...

– Не делайте этого, господин аббат! – испуганно воскликнула дофина. – Я вернусь к этому письму завтра. Оставайтесь. У меня остались только вы и господин де Мерси, да и тот теперь навещает меня тайно.

Лицо господина де Вермона выразило сожаление.

– Ах, мадам, изгнание господина де Шуазёля стало для всех нас тяжелым ударом.

– А ведь я предупреждала дофина относительно тех, кто хотел его погибели, но он ничего не предпринял для его защиты.

– Теперь герцог в Шантелу, а его, они же и наши, враги торжествуют, – вздохнул аббат. – Казалось, его величество дорожит министром, которому он стольким обязан. Рассказывают, будто он только смеялся, когда госпожа Дюбарри подбрасывала в воздух два апельсина, при-

говаривая: «Падай, Шуазель! Падай, Прален!»¹³ Но враги герцога оказались слишком могущественными. Фаворитка не могла забыть, что он сделал все, чтобы она не была представлена ко двору.

– Этот поступок недостойн Людовика XV! – с жаром воскликнула Мария-Антуанетта.

– Тем не менее победа госпожи Дюбарри полная, – продолжал аббат, будто бы и не услышавший ее непочтительного возгласа, – ее друзья берут власть. Господин де Мопу остается хранителем печатей, что же касается аббата де Терре, некоторое время ходили разговоры о том, чтобы вручить ему военное министерство. Ваше высочество представляет себе священнослужителя, отвечающего в правительстве за пики и мушкеты?

– А господин д’Эгийон? – спросила дофина.

– Он претендует на министерство иностранных дел, куда собирается насажать своих ставленников. Он уже упомянул о желании назначить послом в Вену герцога де Рогана.

– Его? Священника, который, как говорят, погряз в разврате? Моя мать никогда на это не согласится. Господин аббат, то, что произошло, просто постыдно. Я ненавижу всех этих людей, а особенно – ту тварь. Слышите? Я буду плевать им в физиономию...

Господин де Вермон подпрыгнул.

– Что вы такое говорите, мадам? Успокойтесь. Подобные вспышки лишь повредят и вашим интересам, и интересам вашей августейшей матушки... Храните вашу признательность господину де Шуазёлю, готовьте реванш, но не смотрите косо на тех, кто его заменил.

– Как, вы, господин аббат, вы советуете мне лицемерить?

Священник сложил руки на животе и прошептал, полуприкрыв веками глаза, чтобы спрятать сверкнувший в них огонь.

– Это слишком громкое слово, мадам. Разве сам Иисус не советовал нам прощать наших врагов? Вы просто поступите как истинная христианка. Кроме того, важно, чтобы ваше высочество сдерживали себя, поскольку речь идет об очень важных интересах. Госпожа Дюбарри сейчас всемогуща. Ее каприз может потрясти королевство и даже развязать войну. Вы понимаете, что по вашей вине союз с Австрией может быть разрушен? Каким в таком случае станет ваше положение здесь и в какие затруднения вы ввергнете ее императорское величество?

Дофина сжала кулачки и топнула ножкой:

– Ах, эта женщина! И подумать только: я ничего против нее не могу! Но, в конце концов, господин аббат, что же мне делать? Не попросят же меня перед ней унижаться.

– Об этом нет и речи, мадам, просто немного ловкости, чтобы укрепить ваше положение. Король по-прежнему проявляет к вам сильное расположение?

– Он все время придумывает для меня развлечения; дважды в неделю велит показывать для меня комедии, по его приказу в мою честь устраиваются балы. Всякий раз, встречая меня, целует. Вчера угостил своим кофе...

– Вот видите, мадам, для вас не будет ничего проще сохранить любовь его величества и уравновесить влияние фаворитки. Так что обращайтесь со всеми просьбами напрямую к нему, не прося ваших тетюшек служить вам посредницами; они часто находятся под влиянием дурных советников, а их интересы не совпадают с вашими. Что же касается госпожи Дюбарри, господин де Мерси сообщил мне, что ваша августейшая матушка была бы очень довольна, если бы вы время от времени обращали к ней хоть слово...

– Никогда, господин аббат! И пусть у меня не просят подобных вещей. До сего момента я игнорировала эту женщину. В Шуази, в Компьене и в Фонтенбло, всякий раз, когда она оказывалась в моем присутствии, я сдерживалась...

¹³ Сезар-Габриэль герцог де Шуазель-Прален (1712–1785) – морской министр. Кузен министра иностранных дел герцога Этьена-Франсуа де Шуазёля, как и он, был в 1770 г. отправлен в отставку, став жертвой интриг графини Дюбарри и ее клики.

– Надо признать, что во всех этих случаях ваше высочество вели себя совершенно правильно. Однако сегодня нам бы хотелось чуть больше тепла... всего одно слово, мадам, одно маленькое слово, сказанное походя.

Голос дофина рассек воздух:

– Бесплезно настаивать, месье, я знаю, что мне следует делать...

Священник на мгновение замолчал. Наморщенный лоб, выпяченная губа, прищуренные глаза и весь воинственный вид молодой женщины говорили о том, что ему следует дать разговору другое направление. Он затронул тему, в которой чувствовал себя увереннее.

– Хотелось бы думать, мадам, – сказал он, – что вы, со времени моего последнего визита, получили хорошие новости о ее величестве?

– Gott sei dank!¹⁴ – ответила Мария-Антуанетта, уже немного успокоившаяся. – Похоже, она не испытывает недовольства мною, вот только ее несколько беспокоит холодность дофина.

Аббат жестом как бы отмел эту деталь, не относящуюся к его компетенции.

– Она ничего не писала вам относительно вашего чтения? – спросил он.

– Писала, господин аббат, – призналась явно смущенная дофина.

– И она удивлена тем, что вы все так же мало прилежны в этом деле?

– Если б вы знали, как мало у меня времени!

– Я вижу, что у вас его слишком много, мадам, – возразил священник. – Ослы и лошади окончательно отбили у вас интерес к чтению. Позвольте старику, каковым я являюсь, огорчиться по данному поводу. Подобное отвращение к серьезным вещам однажды станет помехой вашему высочеству в том, чтобы достойно носить корону Франции.

– Какой напыщенный слог, господин аббат!

– Умоляю ваше высочество серьезно отнестись к немногим строгим словам, которые я вынужден вам говорить. Ваше высочество должны перестать играть в ваших апартаментах с детьми и собаками; эти игры больше не соответствуют вашему возрасту. Вам следует улучшить ваш почерк и орфографию, которые оставляют желать много лучшего...

– Вы слишком требовательны, господин аббат, – простонала дофина.

– Следовало бы сказать, что я слишком снисходителен, мадам. И потом, раз уж мы заговорили о лошадях, позвольте вам напомнить, что вы обещали вашей августейшей матери никогда не ездить на конную охоту и передвигаться очень медленной рысью. Это так же важно для правильного формирования вашего организма, как ношение корсета.

Мария-Антуанетта зевнула:

– Ах, месье, вы говорите как госпожа де Ноай.

– Сожалею, мадам, но это мой долг. И поскольку у нас пошел разговор о неприятных предметах, позвольте вас спросить, перечитываете ли вы хоть иногда ваше «Наставление»?

– Какое «Наставление», господин аббат?

– То самое, которое ее императорское величество передали вам перед вашим отъездом из Вены; неужели его у вас больше нет?

– Дело в том... я должна вам сказать, – забормотала Мария-Антуанетта, краснея, – что однажды искала его... да, я хотела его перечитать, но не смогла найти...

Священник грустно посмотрел на свою нерадивую ученицу.

– Ах, мадам, – горько сказал он, – начинаю думать, что я очень плохой учитель... Надеюсь, ее величество не узнает, как малопочтительно вы обошлись с документом, в который она вложила все лучшее, что было в ее сердце... Но я вижу, прошел уже час. Я принес вам книгу, чтобы почитать. Это книга Товии. Оставляю ее вам. Она серьезная, но в ближайшие дни я принесу вам другую, более увлекательную.

– Роман? – весело поинтересовалась Мария-Антуанетта.

¹⁴ Слава богу (нем.).

– О! – воскликнул аббат, шокированный, как если бы в его присутствии кто-то вызвал дьявола; но потом, подмигнув, признался с заговорщицки-лукавым видом: – Нет, это «Моральные безделицы» аббата Куайе.

Он уже подошел к двери, когда Мария-Антуанетта жестом остановила его.

– Еще секунду, господин аббат, – взмолилась она. – Знаете, что бы вы сделали, если бы были по-настоящему милым?

– Не знаю, мадам, но скажите. Я всецело предан вашему высочеству.

– Успокойтесь, – сказала Мария-Антуанетта, – ничего сложного. Только что я писала письмо матери, но у меня не получалось, и я сказала себе: «Вот еще одно письмо, которое будет плохо написано и которым императрица останется недовольна». Господин аббат, не могли бы вы составить для меня черновик, чтобы избавить ее от огорчения?.. А я бы потом его переписала...

– То, о чем вы меня просите, мадам, абсолютно невозможно! – воскликнул Вермон. – Нет, я не могу участвовать в подобном подлоге, я бы обманул доверие ее величества ко мне, я...

Но, видя, как сдвинулись брови Марии-Антуанетты, замолчал и перевел дыхание:

– Все, что я могу сделать, мадам, – это прийти завтра, вы мне покажете это письмо, а я исправлю ошибки в нем. Но не требуйте от меня большего.

– Большого мне и не надо. Ах, господин аббат, какую услугу вы мне окажете! Я никогда не любила вас так сильно; если б я могла, вы бы немедленно стали кардиналом.

Господин де Вермон с достоинством распрямился.

– Да будет известно вашему высочеству, что я не желаю ни кардинальской мантии, ни епископской митры. Мое честолюбие удовлетворено тем, что я верно служу вам.

– Ваше рвение меня трогает, господин аббат, но я думаю, вы не отказались бы от какого-нибудь бенефиция.

– Конечно, мадам, но я не требователен... Мне хватило бы маленького аббатства... само собой, не очень далеко от Парижа, чтобы мне было легче за ним присматривать... Да, если его величество в своей безмерной доброте сообразовал бы позаботиться обо мне, думаю, я бы поддался искушению, но дело терпит.

– Изложите все сказанное на бумаге, – велела Мария-Антуанетта. – Я поговорю об этом с дофином. Прощайте, господин аббат. И не забудьте завтра про мое письмо!

Глава XIII. Дружба и сплетни

Мария-Антуанетта была готова отправиться на бал, который госпожа де Ноай давала по средам в своих апартаментах. Она повторяла перед зеркалом па, которым Гардель из Оперы тщетно пытался обучить дофина, ей же удавалось моментально усвоить их ритм. Ее тело, уравновешиваемое двумя прекрасными белыми руками, казалось, едва касается пола.

– Раз... два... три... Раз... два... три... В этот раз я сумела.

Вдруг она заметила в зеркале отражение знакомого лица.

– Госпожа де Ламбаль! – воскликнула она. – Как я счастлива!

Она бросилась гостье на шею и пылко поцеловала ее.

– Вашему высочеству следует быть осторожнее, – заметила госпожа де Талейран-Перигор, шокированная подобными излияниями чувств. – Вы сотрете всю вашу помаду.

– Наложим заново, – весело парировала дофина. – Повернувшись к своим дамам, она добавила: – Сударыни, я была бы вам признательна, если бы вы оставили меня на минуту наедине с принцессой.

Дамы удалились, и Мария-Антуанетта увлекла госпожу де Ламбаль к оттоманке.

– Как вы красивы сегодня! – сказала она. – В этом голубом платье вы просто божественны.

Польщенная принцесса повела рукой, демонстрируя свой рукав.

– Это идея моей новой модистки, – сказала она.

– Как ее зовут? – живо поинтересовалась дофина.

– Роза Бертен. Она недавно открыла свое заведение на улице Сент-Оноре под вывеской «Великий Могол». Ей нет еще тридцати, но она гений моды. Герцогиня Шартрская тоже очень довольна ее работой. Если хотите, я пришлю ее к вам...

– Эта девица совершила чудо. Мне не терпится с ней познакомиться... Ах, я жалею сердца мужчин, которые будут смотреть на вас этим вечером.

Госпожа де Ламбаль равнодушно махнула рукой.

– Не жалейте их, мадам... Мне всего двадцать два, но я уже знаю, чего они стоят. Впрочем, я, скорее всего, не пойду на этот бал и пришла принести вам свои извинения за это.

– Вы заболели? – спросила встревоженная дофина.

– Мне сегодня после обеда было нехорошо. Я чувствую нервозность, любая мелочь выводит меня из себя... Вот только что я была у маркизы де Дюрфор, возле меня стоял букет фиалок, которые сильно пахли! Я думала, что лишусь чувств...

– Вам необходимо лечиться, сердце мое... Хотите, я пришлю к вам господина де Лассона, моего врача? Он великолепный специалист.

– Благодарю, у меня есть свой, тоже неплохой... Но я вижу, что задерживаю ваше высочество...

– Ваше высочество! – воскликнула Мария-Антуанетта. – Она называет меня высочеством! Ах, Тереза, очень плохо, что вы так ко мне обращаетесь! Когда мы одни, называйте меня просто по имени. Разве вы не являетесь моей ближайшей подругой?

Госпожа де Ламбаль покачала напудренной головой:

– А госпожа де Пикиньи?

– Герцогиня? – переспросила дофина, смеясь. – Неужели вы ревнуете? Какое счастье! Стало быть, вы меня любите? Успокойтесь, госпожа де Пикиньи меня лишь развлекает, она очень остроумна, но вы, Тереза, здесь единственная женщина, которой я могу доверять, единственная, кто меня понимает.

Насмешливые глаза принцессы посерьезнели.

– Вы можете рассчитывать на мою преданность, Антуанетта. Она принадлежит вам навечно...

– Благодарю вас, Тереза, – взволнованно ответила дофина. – Как вы видите, рядом со мной нет ни одного по-настоящему доброго и снисходительного друга. Моя мать далеко, письма, что она мне пишет, не более чем длинные проповеди о добродетели. Господин де Мерси за мной присматривает, аббат де Вермон шпионит и все докладывает ему.

– А дофин?

В голосе Марии-Антуанетты зазвучала горечь.

– Он? Он меня игнорирует, я его почти не вижу. Он охотится, занимается строительными работами или слесарничает.

– Но это днем, Антуанетта, а по ночам?

Дофина презрительно засмеялась:

– Превосходный муж! Когда он случайно забредает в мою спальню, ложится и сразу засыпает. И храпит. Это настолько неприлично, что я не могу сомкнуть глаз, а наутро он первым делом спрашивает меня: «Хорошо ли вы спали?» Какой жалкий человек!

– Вижу, вам повезло в браке не больше, чем мне, – вздохнула госпожа де Ламбаль¹⁵.

– Но хуже всего, мой друг, – продолжала дофина, – то, что все здесь смотрят на меня как на чужую. Что бы я ни сделала, я все равно остаюсь Австриячкой.

– Однако союз с Австрией не был вреден для Франции, – заметила принцесса.

– Очевидно, но правда в том, что я мешаю очень многим людям. Тетушки только и думают, как бы меня использовать, Дюбарри меня ненавидит, любезности, оказываемые мне королем, бросают на него тень. Граф де Прованс, с тех пор как полгода назад женился, сильно переменился по отношению ко мне. Его против меня настраивает жена. Эта савойская принцесса не может забыть, что д'Эгийон хотел женить дофина именно на ней. Если бы не Шуазель, она заняла бы мое место... Она считает, что я украла у нее королевскую корону... Помимо короля, только один герцог Шартрский мил со мной.

– Он? – в ужасе воскликнула госпожа де Ламбаль.

– Он чуть ли не каждый день присылает мне цветы в китайских или саксонских фарфоровых вазах, сопровождая их стихами... Но что с вами, моя милая?.. Вы вся взволнованы...

– Антуанетта, – взмолилась принцесса, чье тонкое лицо выражало сильное волнение, – умоляю вас, остерегайтесь этого человека.

– Почему? Он же ваш свояк, верно?¹⁶

– Вы не знаете о моем горе, мадам. Да будет вам известно, что это герцог Шартрский стал причиной смерти моего мужа. Он втянул принца де Ламбаля в жуткие оргии: вино, игры, женщины. Одна из этих тварей заразила его дурной болезнью, и он сгорел в несколько месяцев. Ему было всего двадцать лет. И не подумайте, что герцог действовал по легкомыслию, нет, его план был хорошо обдуман. Он желал остаться единственным наследником моего свекра, герцога де Пантьевра, на дочери которого женился.

– Какой ужас! – воскликнула Мария-Антуанетта. – Я благодарна вам за предупреждение, впредь я буду его остерегаться... Ах! Мужчины в большинстве своем жалкие создания.

– Поэтому, – вновь заговорила госпожа де Ламбаль, – мне и не нравится никто из новых претендентов на мою руку.

– Вы правы, сердце мое, оставайтесь моим другом, моим единственным другом.

– Это будет самый лучший мой титул, Антуанетта... но вы забываете, что вас ждут, я действительно бессовестная, что задерживаю вас.

¹⁵ Муж госпожи де Ламбаль, Луи-Александр де Бурбон, принц де Ламбаль (1747–1768), внук графа Тулузского (незаконнорожденного сына Людовика XIV от госпожи де Монтеспан), вел распутную жизнь и умер всего через полгода после свадьбы.

¹⁶ Герцог Шартрский, сын и наследник герцога Орлеанского, главы младшей ветви королевской династии, был женат на Марии-Аделаиде де Бурбон, сестре мужа принцессы де Ламбаль.

– Не беспокойтесь, Тереза, этот бал меня вовсе не привлекает. Госпожа де Ноай решила сегодня сделать его более пышным, чем обычно, и, кажется, разослала много приглашений. Я рискую встретить там малосимпатичные лица. Видите ли, лучшее мое время – это то, что я провожу в вашем обществе; по крайней мере, с вами мне не приходится постоянно следить за собой, обращать внимание на любое произносимое слово. Моя жизнь совсем не такая, какой ее представляют, я очень часто плачу...

Госпожа де Ламбаль нежно привлекла дофину к себе.

– *Carà mia*¹⁷, – произнесла она мелодичным голосом, – верьте, все изменится.

Мария-Антуанетта съежилась в обволакивавших ее объятиях.

– *Carà mia!* – прошептала она. – Почаще зовите меня так, эти слова сладко звучат в ваших устах! Они напоминают мне Метастазियो, Шёнбрунн, блаженные времена моего детства... Как я вас люблю! Я хотела бы видеть вас счастливой и богатой... Если я однажды стану королевой...

Дверь в глубине комнаты открылась, и появилась фигура разодетой госпожи де Талейран-Перигор. Мгновение маркиза искала взглядом дофину. На темном фоне оттоманки выделялась крепко обнявшаяся парочка в светлых платьях. Благородная дама жестом выразила возмущение.

– Ваше высочество забыли? – спросила она. – Бал уже начался, что скажет госпожа де Ноай?

Мария-Антуанетта поднялась и оправила примявшиеся юбки.

– Ну вот, я готова. Сердце мое, – обратилась она к госпоже де Ламбаль, – непременно навестите меня завтра, в любое время. Вы будете желанной гостьей. А теперь пошли танцевать!

Кончиками пальцев она послала принцессе воздушный поцелуй и, легкая, вдруг сбросившая печаль, отправилась, сопровождаемая маркизой де Талейран-Перигор, графиней де Таванн, герцогиней де Бовилье и маркизой де Клермон-Тоннер, через террасу в апартаменты госпожи де Ноай.

В ярко освещенных залах звучал клавесин и скрипичный оркестр. Мужчины надели камзолы с жилетом из бархата или золотой парчи, красные каблуки их туфель¹⁸ с блестящими пряжками подчеркивали изгиб их икр, обтянутых чулками из лионского шелка. Дамы были в платьях светлых тонов, с широкими фижмами, на их высоких, тщательно завитых напудренных прическах свет люстр играл, словно бледное солнце на присыпанных снегом елях.

Приход Марии-Антуанетты со свитой вызвал оживление. Танцующие пары остановились, кланяясь ей, когда она проходила мимо. Поскольку она направилась к своему месту, ей навстречу быстро пошла молодая женщина.

– А, вот и моя милая гардеробмейстерина, – радостно сказала дофина.

– Ваше высочество пришли так вовремя, – заметила герцогиня де Коссе. – Без вас этот праздник был унылым.

– Действительно, я вижу, что здесь не очень весело, – констатировала Мария-Антуанетта. – И вы сама, моя дорогая, выглядите печальной... Вы недовольны?

– Как я могу быть недовольной, имея счастье служить вам, мадам? – ответила герцогиня. – Однако я не могу не думать о моем муже.

– Герцог большой негодяй, – сурово заявила Мария-Антуанетта. – Иметь такую безупречную супругу, как вы, и оставить ее ради какой-то Дюбарри, потаскухи самого низкого пошиба... Он не заслуживает ни малейшего снисхождения.

В глазах госпожи де Коссе сверкнуло пламя.

– Ваше высочество и представить себе не можете, как я ненавижу эту женщину! Она отняла у меня мужа, он потерял из-за нее рассудок, он сохнет, я боюсь за его здоровье и жизнь.

¹⁷ Дорогая моя (ит.).

¹⁸ Туфли на красном каблуке – деталь костюма той эпохи, говорящая о принадлежности человека к дворянскому сословию.

– Как он не похож на моего, – прошептала Мария-Антуанетта. – Уж тот-то умеет себя пощадить и, если дело так пойдет и дальше, доживет до ста лет.

– Не понимаю, – с досадой продолжала герцогиня, – что есть в подобном существе такого, что сводит всех мужчин с ума. А король молчит!

– Он закрывает глаза, – сказала дофина, – но наберитесь терпения. Недалек тот день, когда герцог на коленях приползет к вам молить прощения за свои измены.

– Если б только ваше высочество оказались правы! Но я вижу госпожу де Пикиньи...

Молодая женщина подошла с хитрым выражением лица и лукавой улыбкой.

– Мы говорили о наших мужьях, – произнесла дофина. – Надеюсь, господин де Пикиньи не похож на них.

– Мой совсем другой человек, – призналась герцогиня. – Он знаток естественной истории и общается только с лягушками и пауками.

– Это более безопасно...

– Пусть ваше высочество не будет столь уверены. Он вбил себе в голову препарировать крыс и лягушек. А вдруг у него разыграется честолюбие и однажды утром, не говоря ни слова, он возьмет и сделает вскрытие мне, чтобы тоже препарировать?

Дофина рассмеялась:

– Господин де Пикиньи большой шутник...

В этот момент перед ней склонился стройный кавалер.

– Мадам, могу ли я надеяться на то, что вы окажете мне честь станцевать следующую кадрили со мной?

Мария-Антуанетта узнала прыщавое лицо герцога Шартрского. Откровения госпожи де Ламбаль вызвали в ней волну негодования.

– Благодарю, месье, – сухо ответила она, – я устала и предпочитаю посидеть...

Она отвернулась.

– Мы поболтаем с вами, госпожа де Пикиньи, – сказала она. – Это будет веселее...

– Ваше высочество не знает новость? – спросила молодая женщина, когда герцог Шартрский, зло блеснув глазами, удалился. – Мы, очевидно, увидим госпожу Дюбарри.

– Что? Она посмеет?

– Подобные твари очень наглы. В конце концов, утешимся надеждой, что она, быть может, оживит этот вечер новым чудом, вдобавок к тем, что уже совершила.

– Что вы хотите сказать? – спросила заинтригованная дофина.

– Первое чудо она совершила у короля, воскресив покойника.

– Очень смешно! А второе?

В глазах госпожи де Пикиньи сверкнул недобрый огонек.

– Оказывается, она умеет прыгать на огромную высоту, что и доказала, прыгнув из постели лакея в постель короля.

Мария-Антуанетта фыркнула в свой кружевной платочек. Когда же она подняла голову, увидела перед собой присевшую в реверансе бледную молодую женщину с тонкими чертами лица.

– Ах, мадам, – сказала Мария-Антуанетта, – я так давно вас не видела. Вы выздоровели? Герцогиня Шартрская жалко улыбнулась:

– Ваше высочество очень добры, что интересуется моим здоровьем. Мне немного лучше, мои роды, как вы знаете, были тяжелыми, ребенок умер.

– Утешьтесь тем, что у вас будут другие дети. Хотела бы я сказать то же самое о себе. Но вы снова с нами, чем очень меня обрадовали. Вы знаете, что сегодня вечером причесаны лучше, чем богиня?

Мария-Антуанетта с завистью рассматривала прическу герцогини Шартрской, завитки и пряди, деликатно присыпанные голубоватой пудрой.

– Такой шедевр может сотворить лишь настоящий художник, – сказала она.

– Его зовут Леонар, – поведала герцогиня Шартрская. – Он новый куафер, которого мне рекомендовали.

– Не могли бы вы прислать его ко мне? – с жаром попросила Мария-Антуанетта. – Мой Ларсенёр в сравнении с ним просто приказчик из лавки...

– Я завтра же передам ему ваше желание, мадам, и он все бросит, чтобы примчаться к вам.

Мария-Антуанетта собиралась поблагодарить, как вдруг комната наполнилась ропотом. Вошла госпожа Дюбарри. Часть присутствующих бросилась к ней.

– Ах, вот она, великая прыгунья, воскрешающая мертвых! – громко произнесла дофина.

– Берегитесь, ваше высочество, – шепнула госпожа де Пикиньи, – с нею герцог Ришелье.

– Как он уродлив! – воскликнула Мария-Антуанетта.

– Сам он так не считает и в свои семьдесят пять лет не собирается складывать оружие. Чтобы сохранить свежий цвет лица, он каждый вечер кладет на щеки ломтики телятины. Эта кухня очень веселит его сына, герцога де Фронзака; когда он узнал про эту хитрость, воскликнул: «Черт побери! Я знал, что мой отец старый козел, но не знал, что он гримируется под теленка...»

– Хватит, моя милая, вы меня уморите до смерти! – воскликнула Мария-Антуанетта, залиvisto хохоча.

Однако ее взгляд вновь обратился на госпожу Дюбарри.

– Вы видите, она даже не осмеливается на меня посмотреть, она боится, ее мучает нечистая совесть. Вы знаете, что она однажды сказала королю на мой счет? «Луи, берегитесь, эта рыжая малышка вполне способна позволить задрать себе подол где-нибудь в темном уголке!»

– Какая наглость! – воскликнула госпожа де Пикиньи.

– Это еще не все. Она утверждает, будто у меня большая ступня, жирные, мужиковатые бедра и сомнительной упругости грудь... О! Она мне за это заплатит! Можно подумать, что она совершенство! Вот вы, вы находите ее красивой?

– Она стареет. Я рассмотрела ее вчера при свете дня, кожа на лице увядает и вся усыпана конопущками.

– Я очень довольна. Это ей за рыжую малышку.

Женщины замолчали, погружившись в созерцание пар, танцующих менуэт.

– Ваше высочество заметили графиню де Прованс? – спросила вдруг герцогиня.

– Действительно, я вижу там мою свояченицу. Она танцует, как слон.

В центре зала с трудом передвигалась молодая черноволосая женщина со вздернутым носом, ширина которой почти равнялась ее росту.

– Какой любопытный экземпляр, – продолжала Мария-Антуанетта, – со своей конской гривой и усами над верхней губой она напоминает дракона.

Госпожа де Пикиньи обнажила в язвительном смехе свои острые зубы.

– А взгляните на ее грудь, мадам. Корсет как будто выплевывает ее по причине несварения.

– Что не мешает ее мужу находить ее вполне по его вкусу.

– У него сохраняется пыл первой брачной ночи, – заметила госпожа де Пикиньи с тонкой усмешкой. – Если верить Месье¹⁹, он вел себя в тот раз очень мужественно. «Четыре раза. Друзья мои, – объявил он на следующий день, – вы слышите: четыре раза я побывал под пологом наслаждения!» Решили поздравить его супругу с таким счастливым началом. «Но, месье, –

¹⁹ Месье – титул старшего из братьев короля, в данном случае речь идет о графе де Прованс, хотя его старший брат на тот момент еще не был королем.

ответила она графу д'Артуа, принесшему ей поздравления, – я не понимаю, что вы хотите сказать... Я совсем ничего не заметила...»

Со слезами на глазах Мария-Антуанетта задыхалась от хохота. Госпожа де Пикиньи, гордая своим успехом, обвела присутствующих веселым взглядом.

– Мне кажется, – сказала она, – у нас сегодня вечером большой выбор: все наши старые знакомые собрались. Не хватает только тетушек...

– Вы вовремя о них вспомнили. Вот они...

Вошли три дочери Людовика XV; все они были одеты по одной модели: длинный шлейф, прицепленный к талии, извивался вокруг вышитых золотом юбок; мантильи из черной тафты укутывали их до подбородка.

– Господи! – прошептала герцогиня. – Как они одеты!

– Вот дьявольская троица: Тряпка, Лоскут и Ворона, как их зовет отец... Королю нет причин гордиться таким потомством!

– Тсс! – шепнула госпожа де Пикиньи. – Мадам Этикет...

Мария-Антуанетта замолчала. Госпожа де Ноай приближалась.

– Я сегодня не в настроении ее выслушивать, – сказала дофина.

В этот момент она заметила графа д'Артуа, прокладывавшего себе путь между группами гостей, и подала ему знак. Младший принц, быстрый, словно ящерица, тотчас подбежал к ней.

– Шарль, – игривым тоном обратилась к нему Мария-Антуанетта, – вы не пригласите меня на этот контрданс?

– Моя милая сестра, – ответил Артуа, – я ваш слуга, идемте...

– И ведите себя прилично, договорились? Не распускайте руки, мы не в лесу.

Госпожа де Ноай подошла как раз в тот момент, когда дофина, которую ее спутник незаметно щекотал, смешалась с парами, увлекаемыми музыкой.

Глава XIV. В лесу Фонтенбло

Запряженный одной лошастью кабриолет медленно катил по аллее, ведущей к Апремонскому ущелью. Лесом мягко и незаметно овладела осень с ее тихим ветерком и нежными улыбками неба. Колеса шуршали по опавшим листьям, устилавшим посыпанную мелким белым песком дорожку, и экипаж на мягкой подвеске покачивался между пучками пожелтевшей травы, одетыми в золото листья дубами и полуоблетевшими березами. Иногда дорогу пересекал олень и убегал по освещенным солнцем полянам.

Мария-Антуанетта сидела рядом с графом д'Артуа, который держал поводья, предоставив лошади идти, как ей заблагорассудится. Приоткрыв рот, насупившись, принц, казалось, был занят мрачными мыслями. Дофина, наблюдавшая за ним, толкнула его локтем в бок:

– Эй, Шарль, вы мрачный, точно капуцин; сегодня утром вы скучный спутник.

Граф вздрогнул и посмотрел на невестку. Из-под голубого бархатного берета искрились под солнечными лучами глаза Марии-Антуанетты, а щеки под воздействием лесного ветерка приобрели перламутровую прозрачность.

– Господи! – воскликнул он. – Как вы хороши!

Молодая женщина рассмеялась:

– А поэтому у вас такой мрачный вид? Вы совершенно не галантны.

Артуа вздохнул:

– Повезло же этому чертову Берри жениться на такой женщине, как вы! Впрочем, всегда одно и то же: простакам все достается полной чашей.

Дофина грустно вздохнула:

– Вы ошибаетесь, мой дорогой, он еще не пробовал из этой чаши.

– Какая досада! – усмехнулся молодой человек. – Ах, Антуанетта, хотите знать, кто вы есть? В трех словах: жемчужина перед свиньей.

– Артуа! – воскликнула дофина. – Не будьте так грубы, прошу вас, и помните, что говорите о моем муже.

– И это ваша вина: знай вы латынь, я бы сказал вам эту истину на языке Вергилия. Почему так: моему брату дали в жены самую красивую принцессу Европы, а мне...

– Замолчите, Шарль, – жеманничая, остановила его Мария-Антуанетта. – Есть другие. Уверена, что вам найдут такую невесту, в которую вы влюбитесь настолько, что даже не будете смотреть в мою сторону.

Принц опустил голову и пробормотал:

– Кажется, уже нашли. И это самое печальное.

– Что? – воскликнула заинтересованная Мария-Антуанетта.

– Меня хотят женить, – сообщил подавленный Артуа. – Я вчера узнал... Дурная новость... Эту штуку придумали мерзавцы д'Эгийон и Мопу... Укрепить союзы! У них это выражение не сходит с губ, лучше б они проявляли такую же заботу о сиськах своих жен и любовниц.

– А на ком вас хотят женить?

– Кандидатка еще не выбрана окончательно, но говорят о сестре графини де Прованс.

– А какая она? Хорошенькая?

– Я со вчерашнего дня изучаю «Королевский альманах», чтобы узнать. Вот она: ребенок ростом четыре фута шесть дюймов; аппетитный кусочек, как вы видите! Да я потеряю ее в своей постели... Ничего спереди, ничего сзади. Нос длинный, глаза косят...

– И всё?

– Танцует, как королева... Вам этого мало? Хорошую жену я получу! Наше несчастье, Антуанетта, будет похожим, поскольку, полагаю, Берри не утомляет себя проявлениями доказательств любви к вам.

– Доказательств? Друг мой, я не претендую на множественное число, мне вполне достаточно единственного.

– Какая скромность! – с горечью прокомментировал Артуа. – Подумать только, что мой брат целыми днями торчит в кузнице, возясь с замками, но оставляет нетронутым тот, что является шедевром, драгоценностью...

Мария-Антуанетта бросила на собеседника лукавый взгляд:

– Может быть, все дело в том, что он еще не сумел выковать ключ к нему?

Артуа так подпрыгнул в кабриолете, что испугавшаяся лошадь побежала галопом.

– А если этот ключ предложу вам я? – спросил он.

– О, Шарль! – воскликнула дофина, покраснев до ушей. – Что вы осмеливаетесь мне предлагать!

– Вполне разумную вещь, моя красавица... Поразмыслите, ведь это же вы декламировали мне четверостишие Жантиль-Бернара:

Будем жить в этом маленьком пространстве,
Достаточно большом для всех наших желаний;
Для счастья надо так мало места!
И пусть Бог никогда не меняет это.

Будьте спокойны, Антуанетта, вам не придется жаловаться на жильца, которого я вам рекомендую.

В этот момент коляску резко дернуло, лошадь споткнулась и остановилась как вкопанная.

– А, вот и ущелье, – сказала молодая женщина.

Самое время! Открывшийся пейзаж был достаточно интересным, чтобы отвлечь их от принявшего опасный оборот разговора. Круто вниз уходил отвесный обрыв. Лес, словно испугавшись, не приближался к его краям. Ни деревца, ни травинки, ни птичьего крика, лишь хаотическое нагромождение чудовищных скал, насколько хватало взгляда, висящая над ними мертвая тишина и яркое солнце.

Под впечатлением от вида этой пустыни Мария-Антуанетта прижала руки к груди.

– Господи! – произнесла она. – Можно подумать, что видишь ад.

Граф д'Артуа молчал, мысленно проклиная излишне живописную природу.

– Как я люблю этот лес! – продолжала дофина. – В нем чувствуешь себя свободной. Как подумаю, что скоро придется возвращаться в Версаль и запереться там на всю зиму... Если бы вы знали, Шарль, как я скучаю!

Молодой человек трижды облизал губы, что говорило о его глубокой задумчивости.

– Правда? – спросил он. – В таком случае доверьтесь мне, я беру на себя обязанность развлекать вас.

– Надеюсь, вы станете мне предлагать только благопристойные развлечения...

– Черт побери! Даже ангел счел бы их невинными... Я задумал устроить в Версале маленький театр, мы будем разыгрывать там комедии.

– Но для этого понадобятся декорации и костюмы.

– Ни о чем не беспокойтесь, Антуанетта, я все беру на себя... Теперь другой вопрос: вас порадовала бы поездка в Париж?

Глаза дофины заблестели от предвкушения.

– В Париж? Да я уже несколько месяцев умираю от желания съездить туда! Как-то раз я попросила у короля дать разрешение; госпожа де Ноай не возражала, но мадам Аделаида сделала все, чтобы мне помешать.

– Ничего! – заверил Артуа. – Обойдемся без позволения Вороны и прочих тетюшек. Как только мы вернемся, я повезу вас на бал-маскарад.

– Вы хотите, чтобы я отправилась с вами ночью, одна? Вы с ума сошли, Шарль! Вы прекрасно знаете, что это невозможно. А мой муж?

– Берри нам не мешает. Вечером, который мы назначим для вылазки, вы переведете стрелки часов на час вперед, и мы устроим так, что этот муж, любитель вина, выпил на одну бутылку бургундского больше, чем обычно. В десять он уже будет храпеть. Вы выйдете из ваших апартаментов; я буду ждать вас в наемном экипаже, который галопом домчит нас до павильона Флоры в Париже. Там уже будут готовы маскарадные костюмы, например серое домино и костюм швейцарской крестьянки для вас.

– Я бы предпочла что-нибудь другое, – заметила Мария-Антуанетта. – Это слишком банально...

– Тогда пускай вы будете цыганкой в черном парике... Затем мы отправимся к Добервалю.

– Кто это такой? – спросила заинтригованная молодая женщина.

– Танцор из Оперы, который дает у себя, в своих салонах, самые галантные в Париже маскарады. Их посещает лучшее общество. Вы разучите там чакону и куранту, мы весело поужинаем. Ах, моя дорогая, даю вам слово, что и самая глубокая меланхолия не сможет устоять перед таким лечением...

Мария-Антуанетта, порозовевшая от приятного сюрприза, молчала. Артуа видел в глазах молодой женщины огонек искушения, который он в ней зажег. Он начинал узнавать свою невестку и понимал, что она совершенно не способна сопротивляться предложению, из которого может извлечь удовольствие для себя.

– Главное, ничего не бойтесь, – сказал он. – Мы вернемся до рассвета, и никто не заметит вашего отсутствия...

– Ах, Шарль, – ответила Мария-Антуанетта, – мне кажется, мы созданы, чтобы понимать друг друга... Я подумаю... Вы мне напомните об этом снова.

Артуа понял, что настаивать – значило бы совершить ошибку. Он посмотрел на часы.

– Моя красавица, – объявил он, – пора возвращаться в замок.

Он натянул поводья, и лошадь развернула коляску.

– Шарль! – взмолилась Мария-Антуанетта, – позвольте управлять мне, сейчас моя очередь.

– Нет, – ответил принц, – не здесь, вы нас опрокинете в пропасть. Позже, на дорожке...

– И вы еще читаете мне мораль, чудовище! Подвиньтесь!

Молодая женщина решительно схватила вожжи и ударом хлыста погнала лошадь галопом.

– Черт подери! – воскликнул Артуа, цепляясь за край. – Я вижу, в один прекрасный день королевская колесница окажется в надежных руках!

Кабриолет, раскачиваясь и подпрыгивая, неся к Фонтенбло, вздымая тучи пыли...

Глава XV. Художник: Леонар

Закутавшись в батистовый пеньюар с широкими малинскими кружевами, Мария-Антуанетта сидела перед зеркалом. Рядом с ней, на столике, накрытом газовой тканью, теснились баночки с помадами, тенями и магическими эликсирами в драгоценных флаконах.

– Госпожа де Мизери, – сказала она, – пригласите господина Леонара.

Первая горничная вышла, и почти сразу же на пороге появился молодой человек. Несмотря на то что в одной руке он держал небольшой кожаный чемоданчик, а в другой – широкополую шляпу с золотым галуном по краям, он исполнил поклон в самом изысканном стиле.

– Вы великолепны, Леонар! – воскликнула дофина. – Повернитесь, чтобы я вас лучше рассмотрела.

Парикмахер, улыбаясь, подчинился. В парике, с живым взглядом, высокий, стройный, с прямыми ногами, Леонар был красивым мужчиной. На нем был жемчужно-серый камзол, черные шелковые кюлоты, галстук, умело выложенный красивыми складками. На боку висела шпага со стальным эфесом.

– Право же! – сказала Мария-Антуанетта. – Вас можно принять за какого-нибудь маркиза!

– А разве волосы вашего высочества не выдали мне соответствующих грамот? – произнес Леонар, скромно потупив глаза.

– О, сегодня утром вы переполнены парикмахерской гордыни, надо воспользоваться этим моментом! – воскликнула молодая женщина. – Я очень нуждаюсь в ваших услугах. Сегодня вечером я с дофином и моими деверями иду в Оперу на представление «Пирам и Фисба». И вы должны сделать меня красивой.

– Ах, мадам, – сокрушенно вздохнул парикмахер, – природа так постаралась, что на мою долю не осталось практически ничего.

– Ну вы и льстец! Ладно, делайте, как сочтете нужным, я должна иметь вид лукавый и кокетливый, однако сохраняя величие... Итак, что вы мне предложите?

– Что скажет ваше высочество, если я вплету ленточки, как на прошлой неделе?

– Вы снова хотите разместить у меня на голову дюжину локтей розового газа? Вы неразумны, Леонар. Идея была замечательной, согласна, но теперь все кинулись ей подражать. Я хочу нечто более оригинальное.

– Может быть, ваше высочество предпочитает, чтобы я сделал вам прическу феи с изумрудами, жемчужинами и цветами, распускающимися между локонами волос? Я бы выложил вокруг вашей головы гирлянду из золотых звезд, соединенных незаметной тонкой проволокой, и...

– Какая сложная механика! Нет, я была бы похожа на комедиантку... Леонар, неужели вас покинуло вдохновение?

Уязвленный парикмахер с достоинством распрямился.

– Меня, мадам? Меня вдохновляет всё, весь мир, у меня в голове множество идей. Я черпаю их в политике и любви, в героизме наших солдат и моряков, в покое полей и сотрясающих мир катастрофах. Если бы сегодня Неаполь поглотила земля, завтра же... Да что я говорю?! Сегодня же вечером я создал бы прическу «Землетрясение». Мой гребень так внимательно следит за событиями, что, по мнению многих, опережает их. Да позволит ваше высочество привести один пример: астрономы возвещают приближение кометы... едва она появится, как все мои клиентки будут причесаны а-ля комета: светлые локоны и огненные ленты...

– Так чего же вы ждете, любезный, чтобы причесать меня так? – воскликнула Мария-Антуанетта.

– Мадам, – серьезно ответил Леонар, – боюсь, опережать события – это дурной вкус. Но у меня есть другие идеи. Ваше высочество не желает перья?

– Перья? – прошептала дофина. – Возможно... В общем, делайте на ваш вкус, Леонар, но я хочу прическу, которая всех удивит и, главное, которая мне пойдет.

– Положитесь на меня, мадам, я поработаю умом столько же, сколько завивочными щипцами... Госпожа де Мизери, будьте добры, принесите мне белые перья, самые большие, самые густые, какие только сможете найти.

Он быстрыми ловкими движениями разложил на столе свои инструменты, разжег горелку и положил на нее щипцы. Когда ему принесли перья, он на мгновение застыл, призывая вдохновение, и вдруг его руки начали летать вокруг головы дофины, словно птицы. Он завивал локон, вплетал ленту, извлекал из шкатулки сапфир или изумруд и изучал его свечение в волнах волос.

– Да простит меня ваше высочество, – неожиданно сказал он, – но для меня счастье и удовольствие причесывать вас... Только что я завивал Мадам²⁰, волосы у нее толстые, жесткие и непослушные, а ваши! Ах, какая мягкость! Какая легкость! Какие отблески! Мне кажется, что я работаю с золотой пеной... Это райское вознаграждение после испытаний чистилища...

– Чума вас побери! – бросила польщенная дофина. – Вы говорите как поэт.

Леонар пощелкивал над головой клиентки своими ножницами, блеск которых создавал возле ее лба своего рода нимб.

– Ваше высочество произнесли главное слово. Искусство причесывать дам – это свободное искусство, такое же, как поэзия, музыка или стратегия; мой гребень – это смычок виртуоза, шпага военачальника, перо, которым Расин писал свои шедевры... Мадам, мадам, настоящий мастер-куафер рождается раз в сто лет. Легро и – избави меня боже от злословия в его адрес – сам ваш Ларсенер – не более чем заурядные ремесленники. Они используют отвратительные сочетания цепочек, крючков и лент, их прически карабкаются вверх и ломаются. А мои, мадам, устремляются в небо, я даю им крылья! Я считаю, что они являются продолжением души, выражают меланхолию или легкость, томность или побеждающую дерзость. Мои щипцы для завивки – тоже оружие Амура...

– Знаете, Леонар, вы не страдаете излишней скромностью, – заметила Мария-Антуанетта, которую забавляли эти речи.

– Может ли ваше высочество назвать мне имя куафера, который на моем месте не почувствовал бы законную гордость? Я пудрил и завивал всю Францию; в Париже самые хорошенькие головки Оперы, «Комеди Франсез» и Итальянской комедии доверяли мне; я способствовал известности мадемуазель Клерон, мадемуазель Гиймар, а мадемуазель Софи-Арну сама приходила умолять меня...

– А мужчины? – с любопытством спросила дофина. – Их вы тоже завиваете?

Леонар махнул рукой, словно далеко от себя отгоняя эту зловредную породу.

– Мужчин я тоже причесываю, но другим манером.

Мария-Антуанетта рассмеялась, что, похоже, мешало куаферу, который в данный момент выстраивал конструкцию из волос молодой женщины.

– Кстати, Леонар, – спросила дофина, – вы достали рецепт белил для лица для меня?

– Они в моем саквояже, мадам, это секрет мадемуазель Кошуа; он творит чудеса: вишня, мед, камедь, растолченные улитки. Я сообщу вам пропорции, очень важно, чтобы улитки были вскормлены на листьях латука.

– Мне вас послало небо; скоро я не смогу без вас обходиться. Я добьюсь выделения для вас маленькой квартирki здесь, в Версале.

²⁰ Мадам – титул жены Месье (старшего из братьев короля), в данном случае – графини де Прованс.

– Ваше высочество слишком добры, – ответил покрасневший от удовольствия Леонар. – В такой близости от солнца красоты из-под моих пальцев будут выходить настоящие шедевры из волос.

Он отступил на несколько шагов и прищурился, оценивая свою работу:

– Пусть ваше высочество наберется терпения... Немного пудры, и я закончу.

Для того чтобы пудра не попала в глаза, Мария-Антуанетта прикрыла лицо большим картонным рожком, а Леонар напудрил ей волосы. Белое облако заполнило комнату, в одно мгновение все покрылось белым.

– А теперь, мадам, – сказал он, – позвольте мне предложить вам мушку. Всего одну. Мне кажется, она напрашивается сама. Ваше высочество предпочитает «галантную особу», «кокетку» или «любительницу поцелуев»?

– Приклейте мне лучше «страстную особу».

Леонар кончиками пальцев зацепил мушку из золотой с эмалью коробочки и ловко прилепил ее в углу левого глаза.

– Вот, – сказал он. – Ваше высочество может полюбоваться на себя.

Мария-Антуанетта наклонилась, но то, что возвышалось у нее на голове, не умещалось в зеркале; ей пришлось опуститься на колени, чтобы полностью увидеть голову, которая от подбородка до верхушки прически имела длину в добрый локоть.

– Но вы же построили у меня на голове целую пирамиду! – воскликнула она. – Не бойтесь, что она окажется слишком высокой?

– Высокой? – с презрительной гримасой переспросил Леонар. – Да завтра же сотня придворных дам станет носить еще более дерзкие прически. Ваше высочество, именно высота и составляет оригинальность этой конструкции... Возможно, никогда прежде в вашем высочестве не было столько величия и величества...

– Вы надо мной насмехаетесь, Леонар?

– Я абсолютно серьезен, мадам, как и сейчас, говоря, что газеты несколько дней будут обсуждать эту прическу как главное событие.

Мария-Антуанетта, уже успокоившись, смотрелась в зеркало с все возрастающим удовлетворением.

– Вы правы, – признала она. – Эти три белых пера сбоку, закрепленные большим рубином посреди розового бутона, образуют удачную комбинацию, все здесь мне кажется совершенным и чудесно задуманным... А вот и мой муж, я спрошу его мнение.

Вошел дофин. Мария-Антуанетта бросилась к нему. При этом движении перья задели подвески люстры, издавшие хрустальный звон.

– Взгляните на меня, Луи. Что вы скажете о моей прическе?

Дофин быстро моргнул и взглянул на прическу жены светло-голубыми глазами.

– Хм! – ответил он. – Вы отлично знаете, Антуанетта, что я не разбираюсь в этих ваших штучках.

– Правда, очаровательно? Это мне соорудил Леонар, вот он, кстати. И у него на это ушло всего-навсего каких-то два часа...

– А! Так это вы Леонар? – спросил принц, меряя куафера взглядом.

– К вашим услугам, монсеньор! – пробормотал, похолодев, молодой человек.

– Я бы предпочел видеть вас, юноша, в рядах французской гвардии. Это более почетное занятие. Чем завивать и расчесывать локоны, вы, такой высокий и сильный, могли бы при случае хорошенько начесать врагам морды.

Дофин разразился грубым смехом, развернулся и, довольный собой, вышел.

Леонар обратил к небу глаза, полные мольбы.

– Святой Лен, – прошептал он, – небесный покровитель куаферов и цирюльников, сделай так, чтобы этот принц никогда не царствовал!

Глава XVI. Проходят месяцы

Теперь одна лишь Мария-Антуанетта осмеливается противостоять госпоже Дюбарри. Она поклялась никогда не говорить ей ни слова и не упускает случая ее задеть. Между ними идет глухая борьба с интригами и словесными колкостями, привносящая во дворец военную атмосферу.

При каждом унижении, устроенном его воспитанницей королевской любовнице, посол Мерси прибегает, словно пожарный, на место возгорания. Он рвет на себе волосы и умоляет. О чем она думает? В Европе назревают важные события. Англия и Пруссия стараются завоевать симпатии госпожи Дюбарри. Что станет с Австрией, лишившейся поддержки Франции? Мария-Терезия мечет громы и молнии в Шёнбрунне, посол в отчаянии бросается к дофине. Неужели она хочет погубить свою родину?

Наконец Мария-Антуанетта, сломив гордыню и преодолев отвращение, в первый день нового, 1772 года, при большом выходе придворных дам, роняет, проходя мимо фаворитки:

– Сегодня в Версале много народу...

Двор тотчас приходит в лихорадочное возбуждение. Госпоже Дюбарри кажется, что это заговорил с небес ангел. Людовик XV, не помня себя от радости, чуть ли не молится на Антуанетту.

Самое время. Приходят известия, что Пруссия, Россия и Австрия вонзили свои когти в Польшу и рвут ее на части. Что делать Франции? Обнажить шпагу в защиту давней союзницы? Кое-кто надеется на такой поворот событий, польский король Станислав-Август просто убежден в нем. Но разве Людовик XV может начать войну против Австрии и тем самым заставить плакать свою любимую внучку, которая так мила с госпожой Дюбарри? Франция оплакивает – совсем тихо – несчастья Станислава, но не делает ни одного ружейного выстрела. Банальная фраза, произнесенная семнадцатилетней молодой женщиной, решила судьбу четырех миллионов поляков.

Радость дофины была бы полной, если бы одержанный успех не имел для нее горького привкуса. Посол Франции в Вене, принц де Роган, этот странный прелат, посещающий зланные места чаще, чем церковные службы, посмел написать герцогу д'Эгийону:

«Я действительно видел, как Мария-Терезия оплакивает беды разделенной Польши; но эта государыня опытна в искусстве быть непроницаемой; мне кажется, она умеет плакать по заказу: в одной руке у нее платок, чтобы вытирать слезы, а в другой меч, чтобы оставаться третьей державой – участницей раздела».

Д'Эгийон зачитал это письмо Дюбарри; фаворитка, желая позабавить короля, процитировала его Людовику XV во время интимного ужина с ним. На следующий день весь Версаль знал его содержание наизусть. Ознакомившись с ним, Мария-Антуанетта содрогнулась от негодования и гнева.

– Этот Роган негодяй! – воскликнула она. – Осмелиться так написать о моей матери! О, рано или поздно он мне за это заплатит! Дорого заплатит!

Это было твердое решение. Правда, она уже не ребенок. Все согласны, что она растет и формируется. Она становится более рассудительной, и ее уже не нужно упрашивать носить корсет или чистить зубы; она полюбила наряжаться и теперь требует большего разнообразия в своих туалетах. Скоро, с помощью Розы Бертен, ее гардероб оказывается забит, а кошелек пуст. Когда у нее не остается ни единого экю, чтобы купить хоть локоть тафты, она обращается с просьбой к королю. Госпожа Дюбарри, узнав об этой просьбе и надеясь, что ее жест оценят, высказывается за то, чтобы ее удовлетворить. Отныне дофина будет получать 96 тысяч ливров в свою личную шкатулку.

Однако Мария-Терезия в Вене обеспокоена и взволнована. Пармская инфанта Мария-Амалия беременна, беременна также и Мария-Каролина, королева Неаполитанская. Когда же Мария-Антуанетта последует примеру своих сестер? Неужели она бесплодна? К счастью, императрица знает, в чем дело, знает, что причина в дофине. Она умоляет дочь проявить немного тепла, чтобы разморозить этого принца, чье целомудрие вызывает скандал и ставит под угрозу будущее трона. Ничего не происходит, любовь остается для него книгой на незнакомом языке. Ночь существует, чтобы спать, день – чтобы класть кирпичи, слесарничать и охотиться на оленей... «Дорогая матушка, – пишет Мария-Антуанетта, – уверяю вас, что, со своей стороны, не пренебрегаю своими обязанностями».

Все же разочарованная в душе, Мария-Антуанетта ищет вокруг себя средства забыть об этом оскорбительном пренебрежении. Рядом граф д'Артуа, изобретательный, острый на язык весельчак. Его общество очаровательно, и ради него вполне можно стерпеть со стороны Артуа некоторые излишне вольные ласки, которые порядочной даме стоило бы пресечь. Когда речь заходит о балах, прогулках по суше или воде, ночных вылазках пешком, на лошади или в экипаже, Артуа все организывает и предусматривает.

Он сдержал обещание и создал в Версале, на чердаке, маленький театр. Он был там поочередно актером, декоратором, рабочим сцены. Граф и графиня де Прованс, Мария-Антуанетта и господин Кампан образовали труппу. Дофин был единственным зрителем: его сажали в кресло и позволяли выражать удовлетворение, хлопая по своей шляпе. Вдруг посреди какой-то сцены актеры останавливались из-за странного шума. Что это: свист или аплодисменты? Ни то ни другое. Монсеньор дофин храпел.

Но господин де Мерси убеждает Марию-Антуанетту отдавать предпочтение более подobaющим августейшим особам развлечениям. Дофине пора показаться своему народу; уже завтра она может стать королевой, и подданные должны знать ее, заранее подготовиться к радости иметь ее государыней. Тогда молодая женщина просит у Людовика XV разрешения посетить Париж, и 8 июня 1773 года дофин и дофина въезжают в столицу при ликовании народа. Вечером, на балконе, нависающем над террасой Тюильри, старый маршал де Бриссак говорит Марии-Антуанетте, указывая на площадь, улицы и окна, где теснится выкрикивающая ей здравия толпа:

– Мадам, там двести тысяч влюбленных в вас...

Так события показывают дофине меру ее власти. Она отправляется в Оперу, в «Комеди Франсез», в Итальянскую комедию; посещает Салон и показывается на ярмарочных празднествах. Повсюду ее встречают крики «виват!». Опьяненная восторгами зевая, она мало-помалу начинает обретать уверенность в себе и высвобождаться из-под влияния тетушек, недовольно смотрящих на то, что она избавляется от их опеки, бывшей полезной для их политики. В это же самое время госпожа де Ноай в отчаянии констатирует, что ее авторитет тает, словно кусок масла на раскаленной сковороде...

И наступает 1774 год... судьба Марии-Антуанетты определяется.

Глава XVII. Первая встреча

Был понедельник, начало января, пять часов. Дофина только что открыла бал, который давала у себя в апартаментах каждую неделю по пятницам. Общество было немногочисленным, но избранным. Дофин, прислонившись к консоли, смотрел большими близорукими глазами на танцующие пары. Заплывшие жиром граф и графиня де Прованс подпирали стенку. Мадам, красная, как огромная редиска, задыхалась в своем корсете; неподалеку от нее ее муж отпускал пересыпанные латинскими фразами остроты, которым вежливо улыбались граф Эстергази и герцог де Куаньи. В углу салона Артуа дразнил старую даму, отвечавшую ему со смехом, вскриками и ударами веером.

– Милая моя, – шепнула Мария-Антуанетта госпоже де Ламбаль, наклонившись к ней, – посмотрите на моего деверя. Он все еще терзает бедную герцогиню де Шон.

– Не волнуйтесь, мадам, – ответила принцесса, – она достаточно остроумна, чтобы защитить себя.

– Надо ее поздравить с предстоящим бракосочетанием, – заметила дофина. – Вот ведь история! Я чуть не плакала... Как вы знаете, старая дура упрямо хочет выйти за господина де Жиака, моего сюринтенданта²¹, никак не желает отказываться от этой идеи... ей шестьдесят, ему – тридцать...

– Ну, это-то ее беспокоит меньше всего. Она рассказывает каждому, кто желает ее слушать, что для простолюдина герцогине всегда тридцать лет...

Мария-Антуанетта улыбнулась, но тут же тяжело вздохнула:

– Мне не нужно это осложнение в моем доме в тот самый момент, когда ходят слухи о скором визите моего брата Иосифа.

– Император собирается приехать?

– По последним известиям, его путешествие откладывается. Конечно, я буду счастлива его увидеть, но...

– Вы его боитесь?

– Он очень строг, милочка, настоящий моралист! Будет все критиковать, назовет меня безалаберной, ленивой, необразованной...

– Вы больше не ребенок, мадам, вы сможете ему ответить. Кроме того, слухи расскажут ему, как вас любит народ. Успокойтесь, парижане не забыли, что вы сделали для жертв пожара, разрушившего Отель-Дьё²²; только и разговоров, что о вашей щедрости к крестьянке, чей муж погиб на охоте и...

Дофина больше не слушала. Вот уже некоторое время внимание ее было приковано к одинокому молодому человеку, стоящему возле двери. Ему не было и двадцати, он держался без аффектации, был высок, строен, с гордо посаженной на широкие плечи головой, с тонкими чертами лица. Густые брови подчеркивали блеск его прозрачных глаз. Рот с тонкими губами был маленький, нос прямой, цвет лица матовый, но при этом с румянцем. Ни один из присутствующих мужчин не мог сравниться с ним красотой и благородством осанки.

– Кто этот молодой господин? – спросила Мария-Антуанетта госпожу де Ламбаль.

– Граф Аксель Ферзен, мадам; мне кажется, господин Крейц, посол Швеции, собирался просить оказать честь представить вам его.

– Он очарователен. Что вы о нем знаете?

²¹ Сюринтендант – управляющий.

²² Отель-Дьё – больница и приют для бедных.

– Его отец, фельдмаршал, является в Швеции лидером партии «шляп»²³, в его лице Франция имеет преданного друга, тем более что он тринадцать лет прослужил в королевской армии...

– Стало быть, он вправе ожидать, что его сыну окажут наилучший прием, – заявила дофина.

Через мгновение молодой швед, в голубом камзоле, подшитом мехом и украшенном позолоченными пуговицами, изящно подошел к дофине.

– Рада с вами познакомиться, господин Ферзен, – сказала Мария-Антуанетта. – Мне рассказывали много хорошего о вашей семье, и я знаю, что вы любите Францию.

– Мадам, – серьезно ответил граф, – эта любовь не должна вас удивлять; в моей матери течет французская кровь; один из ее предков, барон де Ла Гарди²⁴, некогда находился на службе у Дании...

– Следовательно, вы немного наш, месье, с чем я вас и поздравляю. Вы впервые в Париже?

– Да, я здесь всего несколько дней, мадам. Я покинул Швецию четыре года назад; отец отправил меня в заграничное путешествие для получения образования и подготовки к профессии военного. Я уже посетил Пруссию, Швейцарию и Италию... Сюда я приехал из Милана...

– И долго вы намерены у нас пробывать?

– Еще не знаю... возможно, что вскоре уеду в Лондон.

– Какая же вы перелетная птица! – со смехом заявила Мария-Антуанетта.

Она с любопытством рассматривала собеседника. Он не был похож ни на одного из тех мужчин, с кем она общалась, не пытался выставить напоказ свои достоинства, не рассыпался в комплиментах. Он был не по годам серьезен, оставался спокойным, сдержанным, как бы отстраненным от самого себя. Он произносил банальные вещи медленно, словно спотыкаясь на отдельных словах, и голос его звучал жестче из-за северного акцента, однако молодая женщина испытывала тайное удовольствие от того, что слушала его.

– И вам здесь не скучно? – спросила дофина с лукавой ноткой.

– Где бы я нашел для этого время, мадам? – ответил Ферзен. – Граф Крейц очень добр ко мне и изо всех сил старается меня развлекать. Он уже водил меня к испанскому послу и к госпоже де Брионн; так что от нехватки общения я не страдаю.

– И все же, – произнесла Мария-Антуанетта, – я надеюсь, что до вашего отъезда мы снова увидим вас здесь. Приходите на мою игру...

Ферзен понял, что разговор окончен.

– Ваше высочество слишком добры, проявляя ко мне такой интерес, – произнес он, кланяясь.

И с высоко поднятой головой, изящным шагом удалился так же неспешно, как подошел.

Мария-Антуанетта повернулась к госпоже де Ламбаль:

– Что вы скажете об этом молодом шведе, моя милая?

Принцесса покачала головой:

– Он слишком красив, чтобы когда-нибудь стать счастливым.

– Чума! Тереза, что-то вы слишком мрачны сегодня! – прошептала дофина.

²³ Партия «шляп» – одна из основных шведских партий, объединяла молодых представителей дворянства, промышленников и крупных торговцев. Выступала за реваншистскую войну с Россией с целью возврата утраченных Швецией в предшествующих войнах территорий и восстановления великодержавного статуса своей страны. «Шляпам» противостояла партия «колпаков», объединявшая как часть аристократии и духовенства, так и среднего и мелкого бюргерства; «колпаки» выступали за осторожную внешнюю политику и дружеские отношения с Россией.

²⁴ Мать Ферзена происходила из шведского рода де Ла Гарди (Делагарди), основатель которого, французский офицер Понс (Понтус) де Ла Гарди, в середине XVI в. поступил на датскую, а затем на шведскую службу. Он был женат на незаконной дочери короля Швеции Юхана III; от этого брака и пошли шведские Делагарди, давшие стране ряд видных военачальников и политиков.

Сама же она, напротив, ощущала прилив необычной легкости. Это было нечто вроде скрытого расцвета, зарождения в сердце чего-то неизвестного, чья странная власть, выплескиваясь из нее, делала свет люстр ярче, воздух свежее, а игре скрипок придавала особую душевность.

И вдруг она вздрогнула. Стоя на своем месте, Ферзен не сводил с нее глаз, точно хотел запечатлеть в памяти улыбавшееся ему очаровательное лицо. На мгновение их взгляды встретились через шорох шелковых одежд танцующих, среди звуков музыки. Мария-Антуанетта отвернулась.

– Шарль, – обратилась она к проходившему мимо графу д'Артуа, – пригласите меня на эту чакону!

И, полуприкрыв от удовольствия глаза, она понеслась среди других пар, сопровождаемая огнем светлых глаз, не отрывавшихся от нее. Она танцевала легко, как в свете занимающегося ясного дня.

Глава XVIII. Смерть Людовика XV

Предзнаменования предсказывали приближение важных перемен. Во время Великого поста два проповедника сделали громкие объявления. Метая молнии в церковь, склонившую голову перед сильными мира сего, они без страха на публике намекнули на развратную жизнь, которую вел король. Их пламенные речи сулили грешнику настужь распахнутые двери ада, в котором жарятся те, кто при жизни слишком предавался похоти.

Людовик XV с ужасом почувствовал на своем лице горячее дыхание демонов. В течение нескольких дней фаворитка и ее клиента прятались, дрожа, как прячется курица, когда сильный ветер вздыбливает ее перья.

И вот предупреждения становятся еще явственнее. После ужина у госпожи Дюбарри король увидел, как господин де Шовлен, один из дворян его свиты, рухнул и умер прямо у него на глазах. Вскоре после этого дофин, проходя через одну из зал Версаля, оказался очевидцем странного явления: портрет его деда внезапно сорвался со стены и упал изображением на пол.

Тогда Людовик XV догадался о невидимом присутствии рядом с собой смерти. Чтобы спастись от незримой опасности, он побежал, подобно преследуемому животному, которое петляет, чтобы сбить охотников со следа. Сегодня он в Версале, завтра в Ла-Мюэт; он переезжает из Бельвю в Шуази, а из Шуази в Сент-Юбер...

27 апреля 1774 года он просыпается в Трианоне с болью в голове и ломотой в теле. Тем не менее отправляется на охоту, возвращается сильно уставшим и ложится в постель. Ночью у него начинается жар. Примчавшаяся госпожа Дюбарри сразу же вызывает королевского врача. Ле Монье осматривает больного и оптимистично заключает, что это простое недомогание, без осложнений.

Однако на следующий день королю не становится лучше. Срочно зовут первого хирурга. Ла Мартиньер озабоченно хмурится. «Сир, – говорит он, – болеть следует в Версале». Монарха перевозят во дворец, где укладывают в постель и делают кровопускание. Тем не менее его состояние ухудшается.

Фаворитка и д'Эгийон вызывают из Парижа своих личных врачей, Бордэ и Лорри; к Лассону, доктору Марии-Антуанетты, также обратились за консультацией. Теперь их собралось в спальне короля четырнадцать: шесть врачей, пять хирургов и три аптекаря. Все по очереди осматривают королевский язык и щупают пульс. Наконец консилиум приходит к заключению: Людовик XV болен катаральной лихорадкой.

Ла Мартиньер велит вторично пустить кровь и сообщает, что операция будет проделана снова на следующий день. При этих словах монарх выражает сомнение.

– Третье кровопускание меня ослабит, – говорит он. – Нельзя ли обойтись без него?

Доктора советуются с д'Эгийоном и госпожой Дюбарри. Третье кровопускание требовало предварительной исповеди и приобщения Святых Тайн. То есть в королевскую спальню должен был войти субъект с тонзурой и изгнать фаворитку во имя спасения души больного. Госпожа Дюбарри и первый министр, на мгновение растерявшиеся, берут себя в руки: они готовы на все, лишь бы избежать катастрофы.

Доктора – люди с большими возможностями и умением совмещать интересы больных и их окружения. Они просто сделали второе кровопускание более обильным, вот и всё. Ла Мартиньер взял ланцет и выпустил из Людовика XV четыре паллеты крови.

Но температура повышается, боли в голове усиливаются, а врачи остаются беспомощными перед болезнью, которую они не могут определить. Наконец, 29 апреля, около десяти часов вечера, на лице короля появляется сыпь. Присутствующие в ужасе переглядываются. Это оспа!

Госпожа Дюбарри и д'Эгийон хотели бы сохранить новость в тайне, но она вырывается на свободу, носится по дворцу, зажигает все умы. Версаль становится похожим на улей, на который вдруг наступили. Два лагеря, «дюбарристы» и «антидюбарристы», мобилизуются и готовятся к схватке. Первые надеются на близкую победу, вторые верят в божественные перемены.

Арбитр в схватке – жизнь короля, ставка в игре – верховная власть, поле битвы – спальня. Известие о болезни заставляет бежать на дальнейшее расстояние тех, кто не заинтересован напрямую в торжестве той или другой партии; для вождей настал час играть главные роли...

Дочери короля тотчас примчались к отцу. Мария-Антуанетта предложила присоединиться к ним, но ее удаляют, как и дофина, из страха перед заражением. Несмотря на изложение консилиумом опасности, которой они подвергаются, Аделаида, Софи и Виктуар тверды в своем решении. Их поддерживает дочерняя любовь. Весь день они находятся в спальне, где установили закон добродетели. Однако вечером им приходится уступать место госпоже Дюбарри, которая располагается возле изголовья больного на ночь.

Тело короля начинает источать зловоние, но молодая женщина умеет побеждать отвращение; если бы ее ласки и улыбки могли исцелить Людовика XV, он был бы уже спасен. Но ничто не может помочь монарху справиться с врагом, прокравшимся в его изношенную излишествами плоть. По ночам фаворитка, склонившись над распухшим лицом царственного любовника, с отчаянием и бессилием наблюдает за продвижением или отступлением болезни, предвестниками ее триумфа или краха.

Идут дни. 30 апреля врачи решают прижигать язвы, а в Париже, в помощь науке, устраивают публичные молебны. Все бесполезно: Людовик XV слабеет и слабеет. До сих пор от него удавалось скрывать название болезни, но симптомы ее становятся настолько очевидными, что он сам называет ее, и врачи не осмеливаются ему лгать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.